

КАЗАХСКИЕ СКАЗКИ

СКАЗКИ О БАТЫРАХ

Батыр Боран

В давние времена жил батыр Боран. У него был друг Каскарау, с которым он был в ссоре. У Каскарау была невеста из рода Ногай.

Как-то раз ногайцы откочевали в другое место и увезли с собой девушку, Каскарау не поехал за ней, а собрал своих людей и спросил у них: как ему поступить?

Место, куда перекочевали ногайцы, было очень далеко. Они перешли через море. А это море было очень широкое. Объехать его можно только за три месяца. Был и другой путь — это идти с одного берега до другого. На этот переход надо было затратить пятнадцать дней. Но короткий путь опасен. Он покрыт камышами. А в них водились страшные звери: медведи, тигры, волки и другие разные чудовища. Каскарау обратился к своим людям, и они ему сказали так:

— О чем ты говоришь, Каскарау? В старину говорили: «Хоть тысячу раз каркнет ворона, не придет год, а гусь крикнет один раз — и год явится». Что из того, что мы собрались? Помочь тебе мы ничем не можем. Зачем ты ссоришься с Бораном? Кто тебя защитит, если нападут враги? Сам ты не сможешь выстоять против них. Прекрати ссору с батыром. Таков наш тебе совет! Мы заставим тебя преклонить перед ним колена!.. И они принесли в дар Борану дорогой ковер и черного пара. Привели к нему и Каскарау.

— Мы привели к тебе твоего друга,— сказали люди, обращаясь к Борану.— Мы заставили его преклониться перед тобой, сказав ему: «Не считай годы, а почитай людей». В народе говорят: «Честь родины — честь батыра». Разве не видишь, что запятнана честь нашего рода. Ногаи увезли нашу невесту. Вот мы и пришли сообщить тебе об этом. — Я так и думал, что вы собрались сюда не зря,— сказал Боран.— И я знал, что вы об этом мне скажете. Но я в большом затруднении. Не ногайцев я боюсь! Было б не к лицу батыру об этом говорить. Путь туда далек и труден. Нельзя ехать в объезд в течение трех месяцев. Есть другая дорога: от одного берега к другому. Это расстояние можно преодолеть за пятнадцать дней. Но дорога идет через камыши. А в камышах бродят хищные звери. Люди вздрогнули от страха, а потом сказали:

— Боран! Если тебя не страшит расстояние, то мы поедем с тобой. Мы будем сопровождать тебя.

— Нет!—сказал Боран.— Я не хочу, чтоб говорили: «Боран испугался трудного перехода и поехал в объезд моря». Лучше мне умереть, чем слышать это. Я поеду трудной дорогой, и много людей мне не надо. Дайте мне десять жи-гитов, которые смогут готовить обед. Дайте им двадцать самых лучших коней из табуна. А у меня есть свой конь, свое оружие. Чтоб не откладывать, мы отправимся в следующий понедельник. Вы должны в этот день нашего отъезда собрать весь народ и устроить той. Как сказал Боран, так и было сделано.

Боран отправился в путь. Джигиты готовили ему горячую пищу. Где остановятся, там Боран лежит, сложив руки на животе. Лежат и девять джигитов, а десятый готовит пищу. Так они двигались. Но вот въехали в заросли камыша. Здесь было не до сна. Они ели только горячую пищу и медленно продвигались. Страшные звери то показывались, то удалялись. И вновь появлялись. И вдруг из зарослей вышел страшный медведь и заревел во всю свою пасть. Джигиты Борана, никогда не видевшие подобного зверя, попадали с лошадей. Но Боран не испугался и очень громко крикнул. Медведь исчез. Тогда Боран поднял своих джигитов и сказал:

— Что с вами? Зверь страшен? Но если он опять выскочит и заревет, снова будете падать с коней? Так, что ли?

Но тут опять выскочил медведь и зарычал пуще прежнего. Боран рванулся к нему навстречу и крикнул громко. Медведь снова исчез в зарослях. На этот раз джигиты не попадали с коней. Они крепко держались за гривы.

— Видите, какой он страшный,— сказал Боран.— Несколько дней мы ехали без опаски, а тут на тебе!.. Наверно, он бросится в третий раз. Тогда я пойду на него. Может быть, сама смерть привела его ко мне. Прошу вас, не пугайтесь его рева. Если упадете с лошадей, то не унести вам костей. И не мешайте мне...

Боран не договорил. Из зарослей вышел медведь и крикнул изо всех сил. Боран не растерялся и тоже крикнул. Но на этот раз медведь не испугался батыра и кинулся на него. Боран соскочил с коня и пошел на медведя. Они сцепились в страшной схватке. И когда медведь собирался положить свои лапы на плечи Борана, батыр схватил медведя одной рукой за горло, а другой ударил его по голове. Удар был так силен, что голова сразу же разлетелась на куски.

Так они избавились от первой опасности, встреченной на своем пути. Прошло четырнадцать дней. На пятнадцатый день стали уже выходить на

другой берег, как вдруг на пути встретились заросли. Обращаясь к джигитам, Боран сказал:

— То, что вы видите, называют загоном для овец. Я слышал, что здесь собирается нечистая сила. Нам надо остановиться, накормить коней, не снимая с них седел, а пораньше утром выехать в путь. Пока не наступила ночь, приведите в порядок свои доспехи и будьте готовы ко всему.

Сказал так Боран и прилег. Девять джигитов тоже прилегли, а десятый стал готовить обед. Он развел костер — дым пошел на него. Он удивился: «Почему дым идет в мою сторону?»

Поднял джигит голову и видит: прямо перед ним сидит страшное волосатое чудовище. Джигит крикнул и разбудил товарищей. Все они прижались к Борану. То же самое, точь-в-точь, проделало волосатое чудовище. Оно было не одно, сзади него сидели такие же чудовища. Это были жезтырнаки. Вся их сила была в руках. Пальцы у них, как когти орла. Тело все покрыто густой шерстью.

Боран попросил своих джигитов сесть — и чудовище усадило своих. Боран не знал, что делать дальше. Он не на шутку перепугался чудовища, которое его передразнивало. Боран решил прибегнуть к хитрости. Он подошел к костру и подбавил огня. И чудовище проделало то же самое. Боран подошел к мешку с продовольствием, вытащил кусок бараньего сала и насадил его на палку. Нож спрятал в мешок, подошел к костру и стал растапливать сало. И когда оно растопилось, Боран стал размазывать его по голому телу. Затем бросил жезтырнакам палку, обнял огонь и сказал: «Иди, батыр, померимся силами». Чудовище проделало то же самое. Но как только оно подошло к огню, сало загорелось и пламя охватило все волосатое тело чудовища. Жезтырник бросился к своим. Пламя перекинулось на них. Все страшилища побежали в камыш — загорелся камыш. Жезтырнаки стали гасить огонь водой. Дым застилал их. Одно из чудовищ, убегая, крикнуло:

Подожди, Боран, мы еще встретимся!»

Боран воспользовался суматохой, вскочил на коня и вместе со своими джигитами тронулся дальше в путь. А огонь разгорался все сильнее. Ехали они спокойно целый день. К вечеру огонь стал утихать, дым рассеялся. Джигиты радостно проговорили:

— О господи! Кажется, счастливо мы отделались!

— Подождите радоваться,— сказал Боран.— Ведь вы слышали, что сказал один из них: «Подожди, Боран, мы еще встретимся». Значит, они не

оставили нас. Вот управятся с огнем и догонят. И чем эта встреча кончится для нас, неизвестно.

Но вот дым совсем рассеялся, и они увидели пыль. Это двигались чудовища.

— Ну, друзья,— сказал Боран,— теперь они нас догонят. Если они придут сюда, вы не мешайте мне с ними сражаться, уходите. Я не обижусь. Джигиты стали возражать Борану и говорить, что первый раз они испугались спросонок, не разобравшись, в чем дело. Их десять, и они могут противостоять десяти.

Так они ехали и спорили. И вдруг заметили приближение чудовищ. Джигиты забыли о своей храбрости и решили последовать совету Борана. Они поехали вперед, оставив батыра одного. Боран повернул коня на восток и стал ждать. Джигиты к вечеру добрались до высокого холма и стали наблюдать с высоты. Они плакали: «Если Боран погибнет, не видать и нам родины!» Летом вдруг они заметили на дороге что-то черное. Одни говорили, что это Боран, другие — чудовища!

Недаром в народе говорят, что «трусливому все двоится».

Но вот один из них крикнул:

— Да это ж наш Боран!..

Подъехал Боран. Все были очень рады его видеть. Батыр изменился в лице, побледнел, осунулся, глаза впали. Он и его конь были в крови. Когда джигиты обступили Борана, он сказал:

— От врагов мы счастливо отделались. Есть ли здесь вода? Надо переночевать, напоить коней, отдохнуть и завтра — в путь. Боран слез с коня. Попросил подложить седло под голову и заснул богатырским сном. Джигиты от волнения не могли заснуть и всю ночь просидели возле костра, готовя обед Борану. Утром они прибыли к ногайцам. Сваты не могли устоять перед батыром. Они делали то, что он им приказывал. И снарядив невесту Каскарау, они с почестями проводили гостей. На обратном пути джигиты увидели трупы жезтырнаков, которых перебил Боран.

Их было больше шестидесяти...

Батыр

Жил по ту сторону Ика киргиз. У него было две жены и два сына. Имелось у него хозяйство — две кобылы, два жеребенка, две коровы и два теленка.

Пришел в степь джуг, и скот начал падать. Загоняет однажды по осени киргиз коров во двор — одна идет, а другая — никак. Рассердился он, зашел во двор сам и, схватив корову за хвост, с такой силой дернул ее к себе, что на корове шкуры как не было. Хозяин тогда решил, что он батыр, и собрался ехать громить богатых аксакалов. Перед отъездом он отказал жеребенка от гнедой кобылы старшему сыну, а от серой — младшему и отправился в степь.

Подъезжает к аулу. У юрт встречают его собаки. Они дружно залаяли, окружили его, но вскоре поджали хвосты и лениво разошлись по юртам. Батыр приходит к мулле и хвастается, что он очень сильный: съедает в раз по целому барану и одной рукой сдирает кожу с коровы. С этим он вызывает муллу побороться.

Трусливый мулла отказывается и, чтоб откупиться от батыра, отдает ему кое-какое имущество.

Батыр роздал это имущество бедным и направился в следующий аул. У первой же юрты на него набросилась стая собак, едва не стащила с лошади. «Тут меня убьют», — подумал батыр, останавливая лошадь у юрты бая. Навстречу ему вышел хозяин. Батыр сообщил ему, что он съедает по барану и одной рукой сдирает кожу с коровы. С этим он вызывает аксакала побороться. Аксакал принял предложение и кликнул людей своих. Сбежались джигиты, стащили батыра с лошади, выкололи ему глаза и бросили в яму.

Прошло много лет. Сыновья этого батыра выросли и спрашивают у матерей, где их отец. Матери рассказали, что отец их был батыром: в раз съедал барана и одной рукой сдирал кожу с коровы. Поехал он бороться с богатыми аксакалами и не вернулся.

Сыновья отправились в степь на поиски отца. Приехали они к тому мулле, что отказался бороться с их отцом, и спросили об отце. Мулла испугался и заявил, что он знать не знает, ведать не ведает о таком батыре. Сыновья садятся на лошадей и едут дальше. Приезжают к тому самому

аксакалу, что выколол их отцу глаза, и спрашивают, не приезжал ли к нему батыр, враз съедавший барана и одной рукой сдиравший шкуру с коровы.

Аксакал подумал и ответил, что о таком он слыхом не слыхал и видом не видал. Отец из ямы услышал разговор и кричит детям:

— Врет аксакал, врет. Он мне выколол глаза и спрятал в яму.

Братья поспешили к яме и на дне ее увидели слепого старца. Сердца их наполнились гневом. Они схватили бая и выкололи ему глаза, столкнули в яму, а отца посадили на коня и поскакали в ковыльную степь.

Только на берегу Ика сыновья увидели, какой отец грязный и в струпьях весь. Они раздели его и завели в Боду. Батыр окунулся раз, и седину с него как рукой сняло. Окунулся второй раз — глаза прозрели, окунулся в третий — и по жилам заструилась молодецкая кровь.

Батыр вышел из воды и поклялся солнцу перевести в степи всех богатых аксакалов.

Каим-батыр

В давние времена в городе Басре жил бай Алган. Было у него трое сыновей: Берген, Мерген и Каим. Бай владел несметным количеством скота. Когда сыновья подросли, бай позвал к себе старших — Бергена и Мергена.

— Вы оба уже взрослые. Каим еще молод. Заберите весь скот и ухаживайте за ним, а я уже стар,— сказал им отец.

Братья стали отказываться.

— Нет, отец. Не нужен нам твой скот. Он нажит нечестно, в таком скоте не будет прока. Мы сами наживем себе скот.

Отец всячески уговаривал сыновей, но они наотрез отказались. Так и не сумел старик убедить детей и, выпасая скот, досадовал: «О, аллах, ты наделил меня этим скотом, так возьми же его сам!»

Однажды вечером старик возвращался со скотом домой и неожиданно встретился с аксакалом, ехавшим верхом на ишаке.

— Эй, Алган-бай! Чем ты так огорчен? — спросил старец.

Все рассказал ему Алган:

— Я молю аллаха: он мне дал этот скот, теперь прошу, чтобы сам же забрал его у меня.

— Вправду ли говоришь ты это? — спросил аксакал.

— Вправду,— ответил бай. — Пусть аллах хоть сейчас заберет скот.

— Тогда поступи так, как я скажу. У тебя дома есть черный пес. Увидев тебя, он выбежит навстречу. Подзови его и пни по голове. В косяке у тебя есть серый жеребец. Когда загонишь скот во двор, три раза ударь того жеребца уздечкой по голове. В стаде верблюдов у тебя есть черный верблюдовожак. Его ударь три раза по голове поводком. Среди твоих коров есть серый бык. Его тоже ударь три раза. Ударь также серого барана. Входя в дом, пни три раза правую створку двери, а левую — два раза. Побей палкой горящий в доме огонь и разбросай пепел по воздуху. Потом ложись спать и ни о чем не думай. Если хочешь избавиться от своего скота, выполни мои советы,— сказал аксакал и тут же исчез. Обрадовался старик.

Пригнал он скот домой, ударил, как сказал аксакал, жеребца, верблюда, быка, барана и пса. Вошел в дом, пнул три раза правую и два раза левую створки двери, потом стал палкой хлестать горящий огонь и развеял по воздуху пепел. Увидела это старуха и испугалась: не с ума ли сошел старик? Поужинали старики и легли спать. Когда перевалило за полночь, старик проснулся и слышит невнятный шум за дверью. Вышел во двор и видит: его овцы превратились в мышей, коровы — в маралов, лошади — в куланов, верблюды — в жирафов, и все бегут прочь. Вернулся старик в дом и разбудил старуху:

— Эй, старуха, вставай, наш скот разбрелся, уйдем и мы, без скота нам делать нечего.

И побрели старики вслед за мышами.

Что же произошло с их сыновьями?

На следующий день старший сын проснулся, когда солнце было уже высоко над землей. Смотрит, матери нет, нет и ее одежды. Вышел во двор — нет скота. Видит, лежат только черный пес и черный ягненок. Подошел он к псу, позвал его — пес ни с места. Подошел второй сын, узнал, что произошло, и тоже стал звать собаку. Собака не шевельнулась. Вернулись братья в дом и разбудили младшего брата, Кайма. — Вставай! Родители сбежали от нас и угнали весь скот,— сказали они.

Вышел младший брат и увидел пса с ягненком. Позвал он собаку, та встала и визжа бросилась к мальчику на грудь. Стали братья жить втроем. Ухаживали за ягненком. Но вот у них кончилось все съестное, и братья решили зарезать ягненка. Каим сказал:

— Как-то отец говорил: «Если зарезать черную овечку и перед сном подложить под голову заднюю ногу, не съев ни кусочка мяса, можно увидеть во сне, что ждет человека впереди». Давайте зарежем ягненка, ногу по очереди подложим под головы и увидим, какая жизнь ждет нас. Послушались старшие братья младшего. Зарезали они черного ягненка, и старший брат Берген первый положил под голову ногу ягненка. Наутро он и рассказал свой сон:

— Во сне я на рыжем жеребце пас косяк лошадей какого-то бая. Доставалось мне за это в день кесе не добродившего кумыса, а иногда и того не было.

— Вероятно, тебя в жизни это и ждет,— разгадал его сон Каим. На следующий вечер ногу ягненка положил под голову средний брат — Мерген. Во сне он на лысом воле тоже пас корову какого-то бая. Иногда ему доставалось на ночь кесе кислого молока, а иногда и вовсе ничего не доставалось.

— Значит, и тебе суждено жить так,— сказал Каим.

Кайму приснилось, что шанырак на ночь остался открытым. В его отверстие виднелась Малая Медведица. Потом на его обнаженную грудь лил дождь. Каим вскочил с постели и понял, что это был сон. Рассвет еще не наступил. «Если я расскажу братьям про свой сон, то эти негодники могут наговорить дурные мысли. Лучше я скажу, что никакого сна не видел»,— решил он.

Когда наступило утро:

— Ну что тебе приснилось, Каим, говори! — потребовали старшие братья.

— Ничего не приснилось,— скрыл Каим.

— Ах ты бездельник,— разгневались братья,— ты не хочешь нам рассказать свой сон.

Они избили Кайма и прогнали из дому.

Побрел Каим куда глаза глядят. За ним увязался черный пес. Вот идет Каим неделю, месяц и вышел к одной быстрой реке. На другом берегу человек пас волов. Каим крикнул ему:

— Эй, ата, переправьте меня через реку.

— Зачем мне переправлять тебя? — ответил ему старик.

— У меня нет родителей. У кого нет детей, тому я могу быть сыном,— сказал Каим.

Старик сел на вола и переправил Кайма на другой берег. — Дитя мое, ты в самом деле хочешь стать моим сыном? Если ты говоришь правду, то эти волы, что я пасу, принадлежат хану Шигаю. За один год своего труда я получаю одного вола. Скоро я получу вола, зарежу его, созову народ, дам тебе в руки жилик и усыновлю,— сказал ему старик.

— Пусть будет ваша воля, ата. Стану вашим сыном,— ответил Каим.

Старик выпросил у хана вола, зарезал его, созвал народ, вручил Кайму жилик и усыновил его.

Когда Кайму исполнилось тринадцать лет, он сказал отцу: — Вот что, ата. Вы меня усыновили, чтобы я избавил вас от бедности. Вы уже состарились. Теперь я буду пасти волов. А вы отдыхайте. — Нет, мой милый, в это время свирепствуют овод и шершень, волы могут разбежаться. Буду пасти сам,— ответил старик. Каим даже слушать не хотел. Убедившись, что мальчика не уговорить, старик разрешил Кайму погнать на выпас сорок волов. Каим пас волов до вечера, а вечером пригнал домой всего двадцать восемь волов.

— А где же еще двенадцать волов, сынок? — тревожно спросил отец.

— Они пасутся там, в степи. Завтра пригоню всех вместе,— ответил Каим. Но на следующий день он пригнал лишь десять волов.

— Эй, сынок, где волы?—опять спросил отец.

— Они присоединились ко вчерашним волам. Завтра соберу всех волов вместе и пригоню,— ответил Каим. На следующее утро отец напутствовал:

— Сегодня, мой мальчик, пригони всех волов до единого. Каим на выпас погнал десять волов, а к вечеру вернулся только сам.

— Эй, сынок, где волы? — опять спросил отец.

— О ата, вы знаете эту местность? — обратился он к отцу.

— Еще как! Ведь я родился и вырос в этих местах,— ответил старик.

— Тогда знаете Бас-тюбе?

— Нет.

— А Май-тюбе?

— Нет.

— Знаете ли Кзыл-тюбе?

— Нет.

— Может быть, знаете Бок-тюбе?

— Тоже нет.

— А Кок-тюбе?

— Совсем не слышал!

— Ой, ата, что же вы тогда знаете? Ваши сорок волов пасутся на тех сопках. Завтра пойдем вместе и пригоним,— сказал Каим.

На следующее утро старик разбудил мальчика, и пошли они в горы. Когда пришли, отец увидел, что головы сорока волов сложены в одну кучу, мясо — в другую, потроха — в третью, шкуры — в четвертую. Вот что означали названия Бас-тюбе, Кзыл-тюбе, Бок-тюбе и Кок-тюбе. Увидел старик зарезанных волов и потерял от горя рассудок. — Ах ты шайтан! Убьет теперь хан нас обоих. Не сыном, а горем явился ты ко мне. Сейчас же донесу на тебя хану, сотрет он тебя с лица земли! — закричал старик и бросился бежать в аул.

— Я сам расскажу хану,— сказал Каим.

Прибежал Каим в аул, когда люди уже собирались спать, и постучался в дверь хана.

— Что случилось? — спросил хан из покоев.

— У меня прошение к вам,— обратился Каим.

— Прощение свое скажешь завтра. В конце двора стоят два саврасых тулпара. Пройди туда и ложись возле них,— приказал хан. Добрался Каим до конца двора, тут к нему подходит человек.

— Эй, ты уже пришел?—спросил неизвестный.

— Да, пришел,— ответил Каим.

— На, седлай этих тулпаров,— сказал неизвестный. Каим оседлал тулпаров, человек подошел снова и сказал:

— Этот коржун положи под себя. Ну, надо побыстрее уехать отсюда. Они вскочили на тулпаров, кони рванулись, и всадники ускакали из аула.

Наутро оказалось, что спутником Кайма была девушка.

— О аллах, что это такое? С кем я еду? — забеспокоилась девушка. Она достала из-за пазухи книжку-гадалку и заглянула в нее. В книжке было написано: «Это батыр по имени Каим. По воле аллаха ты будешь его суженой».

Тут же девушка натянула поводья.

— Эй, Каим, остановись!— воскликнула она.— Пора подкрепиться.

Они спешили и стали натягивать шатер. Вдруг раздался чей-то страшный раскатистый голос. Путники не обратили на это внимания и продолжали свое дело.

Этими землями владел хан Будур. Охранял их Черный дядю, которому одно ухо служило постелью, а другое покрывалом. Крика дядю боялись не только животные, но даже насекомые. Каим же с девушкой пробыли здесь четыре дня, и сколько ни кричал Черный дядю, они не обращали на него никакого внимания.

Вызвал к себе Будур-хан визирей и сказал:

— Черный дядю кричит уже четыре дня. Узнайте, что случилось с ним, он не дает людям покоя.

Приехали визири к дядю.

— Что с тобой случилось? Вот уже несколько дней ты кричишь и никому не даешь покоя.

— Сегодня четвертый день, как остановился на земле хана один мальчишка и не уезжает. При нем находится белая гончая, черный пес и беркут, с ними он выезжает на охоту. Жена остается дома. Сколько бы я ни кричал, он не боится,— ответил дядю.

— Надо донести хану,— сказал один из визирей.

— Нет, вначале надо узнать, потом донести хану,— сказал другой. И они поехали к шатру Кайма.

Был полдень, Каим сидел в шатре.

— Эй, другом или врагом прибыл ты сюда?—обратились визири к мальчишке.

— Спросите своего хана, что он желает — дружбу или вражду. Я готов на то и другое,— ответил Каим.

Визири вернулись к хану.

— Какой-то мальчик поселился на вашем уголье. Сколько дядю ни кричал, тот и ухом не повел. Мы поехали к нему и спросили: «Друг ты или враг?» Он ответил нам: «Сообщите своему хану, что я готов и к дружбе и к вражде, пусть выбирает сам». Вообще этот мальчик ничего не боится. И еще, таксыр, если бы вы видели его жену, красивее ее на свете не сыскать, а муж у нее совсем мальчик!— наперебой рассказывали визири. — Скажите им, что мы будем друзьями, и перевезите их ближе к аулу! — повелел хан.

Каим с женой поселились возле ханского аула. Приехал к ним хан со своими нукерами и поздравил с новым поселением. Когда хан вернулся в свою орду, он созвал всех приближенных.

— Я влюбился в жену этого мальчика и хочу жениться на ней.

Придумайте что-нибудь,— сказал хан собравшимся. — Мой повелитель,— обратился к нему главный визирь. — В нашем ауле есть мыстан. Она сделает так, чтобы красавица стала вашей женой.

Вызвали мыстан. Подумала старуха и сказала хану:

— Напейтесь крови черной овечки, обильно изрыгайте ее и катайтесь по земле. Затем созовите народ и дайте мне проверить ваш пульс. Я скажу:

«Болезнь очень опасная. Нужно найти молоко айбокена». Вы подготовьте людей.

Когда зададите вопрос: «Кто найдет молоко айбокена?», пусть они как один закричат, что это под силу только Кайму. Зарезал хан черную овечку, напился ее крови, начал обильно изрыгать ее и, скрутившись, безумно катался по земле. Созвали весь народ. Когда все собрались, мыстан стала прощупывать пульс хана. — От вашей болезни есть единственное средство, это молоко айбокена,— сказала она хану.

— О люди, кто достанет молоко? —обратился главный визирь к собравшимся.

— Найдет только Каим,— закричали все хором. Хан пригласил к себе Кайма и сказал:

— Ну, друг мой, жизнь моя, видать, в твоих руках. Никто, кроме тебя, не добудет молока айбокена. Поезжай за ним.

— Пойду домой и подумаю,— ответил Каим. Он вернулся к себе и рассказал обо всем жене. Взглянула жена в книжку-гадалку и сказала:

— У хана есть белая кольчуга и белый меч, который складывается вдевятеро. На привязи стоит лысый вороной тулпар. Попроси все это. Если даст, поезжай, а не даст — откажись.

Пришел Каим к хану и попросил все, что перечислила жена. Когда он назвал лысого вороного тулпара, хан с радостью подумал: «Каим легко нашел свою смерть». Тот скакун сбросил и раздавил многих людей аула и потому был прикован цепью к вбитым в землю четырем кольям. «Как только Каим освободит коня, не успеет он сесть, как тулпар растопчет его»,— заключил хан.

— Сходи и приведи коня,— сказал хан. — Потом я выдам все остальное.

Хан вызвал коневода и приказал:

— Отдай этому человеку лысого вороного тулпара!

Услышали это люди аула и собрались все. Коневод отомкнул дверь, а сам стал подсматривать в щель, через которую подавал коню корм. Только вошел Каим в конюшню, как лысый вороной заржал. Каим сорвал все цепи с ног коня, сделал из пояса петлю, накинул на шею и вывел тулпара во двор.

— Ой-бой, он достоин быть ханом! — восхищались собравшиеся.

Каим явился к хану, тот испугался и выдал мальчику остальное снаряжение.

Каим получил все необходимое для дороги и вернулся домой.

— Как только выедешь из дома, найди местность с хорошим пастбищем и дай коню возможность пятнадцать дней хорошо попасться. Только потом приступи к поиску айбокена,— посоветовала жена. Каим двинулся в путь. По пути он на пятнадцать дней отпустил коня на отдых. После этого доехал до одной горы и взобрался на ее вершину. Неожиданно конь заговорил:

— Каим, взгляни по сторонам, что видишь вокруг?

— Кроме густорастущих сосен и берез, ничего не видно,— ответил Каим.

— Тогда послушай, что я тебе расскажу. Я был любимым конем такого же батыра, как ты. Хан послал того батыра за молоком айбокена. Тогда мы пришли и остановились точно на этом месте. Я не заметил, как подскочил айбокен. Я метнулся в сторону, но тот успел стащить с меня хозяина и тут же растерзал. Я спасся благодаря своей быстроте. Отомстить айбокену за хозяина не хватило моих сил, и я от злости начал убивать людей хана. Будь это дети или взрослые, я кусал, бил копытами и убивал без разбора. Меня поймали и приковали к четырем кольям в том железном сарае, откуда ты вызволил меня. Сегодня исполнилось тридцать три дня, как меня приковали. Вот что произошло со мною. А ты все же внимательнее посмотри по сторонам, не видно ли чего?

Каим посмотрел вокруг.

— На верхушке одного дерева в густом сосновом бору что-то белеет,— ответил он.

— Это и есть айбокен. Он хотел полететь на луну и расшибся. Сейчас он повис на дереве. Сук пронзил ему круп. Направь меня в его сторону и освободи поводья. Я буду скакать изо всех сил. Когда я поравняюсь с ним, ты переруби сук мечом. Айбокен рухнет на землю. Мы не будем возвращаться к нему — поскачем дальше. «Вернись, вернись!»— крикнет он тебе. Но ты не оглядывайся. Он позовет второй раз. И только когда взмолится он в третий раз: «Вернись, друг мой»,— тогда только пойдешь к нему. Перевяжи ему рану своей рубахой. Потом скажи, что тебе нужно,— сказал тулпар. Каим едва успел обнажить свой меч — лысый вороной тулпар уже был возле айбокена. Взмахнул Каим мечом — и айбокен рухнул на землю. «Вернись!»—тут же вскрикнул айбокен. Каим-батыр не обратил на это внимания. Айбокен окликнул во второй раз. Каим скакал дальше. Он вернулся лишь тогда, когда тот крикнул в третий раз. Каим подскакал к айбокену, промыл и перевязал его рану рубахой. — Ну, друг мой, что ты пожелаешь от меня? Я исполню твое желание, сделаю тебе все, что в моих силах,— обратился к батыру айбокен. — Заболел наш хан, ему нужно молоко айбокена. Я ищу это молоко,— ответил Каим.

— Это нетрудно сделать. Я сейчас крикну, и сюда соберутся разные животные. Среди них будет и самка айбокена с шестью сосками. Она будет стоять головой на запад. Выступи вперед и взмахни кнутом. Она пойдет за

тобой. Приедешь к хану, подои айбокена и напои своего хана. Если не захочет хан молока, погладь животное по лбу и скажи: «Разгроми аул хана». Тысячная армия не остановит ее. Всех уничтожит. А если послушается тебя хан, тогда погладь животное по груди и произнеси: «Возвращайся в свои горы». Не успеешь моргнуть, как она исчезнет. Когда у тебя будут другие дела, найдешь меня здесь. Сказал так айбокен и крикнул три раза. Тут же начали сходиться со всех сторон разные животные. Самой последней прибыла самка айбокена длиной в четыре метра и остановилась головой на запад. Каим стал впереди нее, взмахнул кнутом и поехал — самка айбокена последовала за ним. Приехал он в свой аул в тот же день.

— Ой-бой-бой, Каим раздобыл не только молоко — привел самого айбокена! — восхищались люди. Услышал об этом хан и затрясся от испуга.

Каим привел айбокена в ханскую ставку. Увидел хан айбокена и забегал по комнате.

— О дорогой Каим, прошло много времени, как ты уехал. Я принял разные лекарства и выздоровел. Не мучай теперь айбокена, отпусти его обратно,— затрепетал он.

— Возвращайся в свои горы,— сказал Каим и погладил грудь айбокена. Не успел он оглянуться, как айбокен уже исчез.

Хан снова вызвал к себе мыстан.

— На этот раз Каим вернулся невредимым. Что еще можешь придумать. Нет мне жизни без нее. Как трава, иссыхаю я от любви. Возьми половину моего состояния, найди какой-нибудь выход, чтобы я мог жениться на ней,— умолял он ведьму.

— Есть еще один выход,— сказала мыстан. — Если даже тысячи жизней у Кайма, он не вернется из этой поездки. Для этого вы должны снова напиться крови черной овечки и валяться на земле, изрыгая кровь. Соберите людей и дайте мне пощупать пульс. Тогда я скажу: «Ваша болезнь опасней первой, будете болеть длительное время. Нужно достать молоко морской коровы. Морская корова находится под охраной трех дяу по имени Ак-дяу, Кара-дяу и Кзыл-дяу. Между нами и теми дяу стоит шесть гор. На вершину Куз-тау не только человек, птица не сможет подняться. А дальше стоит гора Тас-тау. Там одни скалы, гладкие как зеркало. Даже горный тур сорвется с них, не говоря уже о человеке. А за ними лежит Кар-тау. Там день и ночь падает снег. Толщина снега достигает тысячи метров,

Через них и подавно не перейти. Еще дальше находятся горы Муз-тау. Они скользкие и выше, чем все остальные. Самой быстрокрылой птице понадобится целый месяц, чтобы пролететь без отдыха от их подножия до вершин. За ними лежат горы Саз-тау. Стоит упасть маленькому камешку на их поверхность, они тут же втянут его в себя. И наконец встретятся горы От-тау. Не только человек, даже птица не перелетит через них. Пламя, поднимающееся от них, достигает самого солнца. Вот туда и посылайте врага своего. Как только Каим уедет, через несколько дней можете обвенчаться с его женой.

Напился хан крови черной овечки и стал кататься по земле. Собрался весь народ. Мыстан взялась за пульс: «Ой, ой, ой, сказать правду или нет?— и нарочно закатила глаза.

— О мудрая, говори все, не утаивай! — взмолился хан. Люди тоже поддержали его.

— Тогда я скажу вам все, не примите только близко к сердцу. Болезнь хана намного опаснее прошлой. Если даже найдется средство для лечения, он пролежит два-три месяца, а если не найдется, через три месяца умрет,— ответила мыстан.

— Какое же нужно ему лечение? — загалдели визири.

— Кроме молока морской коровы ничем другим нельзя вылечить его,— заключила мыстан.

— Ойбой,— обратились визири к собравшимся,— кто может найти ту морскую корову?

— Ее найдет Каим,— ответил кто-то, и все обратились к Кайму. — У нас говорят: «Рождаешься для себя, а страдать будешь за народ»,— сослужи эту службу, наш храбрый батыр.

Каим дал клятву раздобыть это молоко.

На следующий день Каим выехал на поиски морской коровы. Пусть он пока едет, а мы вернемся к хану.

Спустя три дня хан пригласил своих визирей и отправился за женой Кайма. Жена Кайма знала об этом давно. Она взяла свою книжку-гадалку, прочитала заклинание — и вокруг дома возникла крепость о девяти стенах. Увидел это хан, собрал весь подвластный ему народ и приказал разрушить стены крепости. До вечера сумели разрушить только восемь стен.

Последнюю решили разнести утром следующего дня. Глянули утром: снова возникло девять стен. И так каждый день. Разрушенные Будурханом стены возникали снова.

Вернемся к Каим-батыру.

Каим приехал к своему другу айбокену, рассказал все и попросил помощи.

— Помочь я ничем не могу,— ответил айбокен. — Та корова находится под присмотром дяу — Ак-дяу, Кзыл-дяу и Кара-дяу. Чтобы попасть туда, нужно преодолеть шесть гор. Даже птицы не могут перелететь через те горы. Выслушай, что я посоветую тебе. Посмотри, вон стоит байтерек, дотянувшийся до самого неба. На вершине его вьет гнездо самрук. Ежегодно могучий удав проглатывает ее птенцов. Если ты убьешь того удава и избавишь птенцов от смерти — кто не любит свое дитя? — птица доставит тебя куда захочешь. Ничего другого я не смогу придумать. Подъехал Каим к высокому байтереку. Один лист этого дерева так велик, что вполне может служить навесом. Смотрит Каим: на вершине в гнезде сидят три птенца. Каждый из них с верблюда величиною. Перья у птенцов только начали пробиваться. Каим отпустил коня пастись и стал ждать удава. Ждал, ждал — не заметил, как задремал. Проснулся от странного звука — это визжали птенцы. «Почему они так визжат?»—подумал он и стал оглядываться кругом. Вдруг видит: вверх по стволу ползет к птенцам огромный удав. Каим выхватил складывающийся вдесятеро белый меч и взмахнул им. Надвое рассек он голову удава. Затем рассек на куски его туловище и сел отдохнуть. Вдруг поднялся сильный ветер. Каим посмотрел по сторонам и увидел: летит огромная птица. Ветер был поднят взмахами крыльев птицы. Это и была самрук. Когда птица села на гнездо, дерево согнулось и едва не переломилось.

— Дети мои, я чувствую запах человека,— сказала она, подавая птенцам принесенную пищу.

— Кого бы вы хотели видеть — друга ли врага? —запищали птенцы.

— Сперва хотела бы увидеть врага,— ответила мать. Птенцы показали на убитого удава. Птица вмиг проглотила удава.

— Теперь покажите мне друга,— сказала она.

— Выходи,— запищали птенцы Кайму. Когда Каим вышел из-за дерева, птица кинулась и хотела проглотить его. Птенцы схватили мать за горло и не дали проглотить Кайма.

— Очень жаль, дети мои,— сказала мать, выпустив Кайма. — Если бы я проглотила и обратно изрыгнула его, то у него была бы сила тысячи человек. А сейчас он обрел силу только ста человек. — Потом самрук расспросила Кайма, куда и зачем он едет. Каим сказал, что он разыскивает молоко морской коровы.

— Это дело трудное, я не смогу достать тебе такого молока. Я могу только доставить тебя туда, а в остальном поступай, как можешь сам,— ответила ему птица.

— Хорошо, вы меня доставьте только туда,— согласился Каим.

— Тогда жди меня здесь две недели, я заготовлю детям пищу. Припасу также для нас сорок мес воды. На нашем пути лежит огненная гора, вода может нам пригодиться,— сказала птица.

Каим остался на месте, а птица улетела. Она два раза в неделю возвращалась в гнездо и заготовила детям пищу на целый месяц. Потом запаслась водой и на третьей неделе сказала Кайму:

— Ну, полетим.

Целый месяц летела самрук высоко-высоко в небе.

— Посмотри вниз, что видишь?—сказала однажды птица Кайму.

— Вижу землю величиной с потник,— ответил Каим.

— Мы летим низко,— сказала птица и взмыла еще выше. Так они летели еще несколько дней.

— Взгляни-ка еще раз вниз,— сказала самрук.

— Земля не больше ушка большой иглы,— ответил Каим.

— Закрой глаза,— сказала птица, и Каим зажмурил глаза.

— Теперь открой.

Каим открыл глаза и увидел: от сорока мес воды не осталось ни капли.

Птица приземлилась и сказала:

— Иди вдоль берега. Придешь к мосту. Перейдешь его и окажешься у дома Ак-дяду. Захвати с собой мое перо. Где бы ты ни ночевал, воткни перо около костра наискось к дому.

Самрук простилась с Каимом и поднялась в воздух. Каим сел на своего коня и приехал к большой белой юрте. В юрте сидела девочка пятнадцати-шестнадцати лет. Губы девочки были зажаты железным замком.

— Чья это юрта?—спросил Каим у девочки, сняв с ее губ зажимы.

— Эта юрта Ак-дяду,— ответила она.

— Где он сам?

— Ушел на охоту.

— Тогда я остановлюсь у вас,— сказал Каим и вошел в юрту. Там стояли одна саба кумыса и полный казан мяса.

— Подай мясо и кумыс,— сказал Каим девочке.

— Отец будет ругать меня,— ответила девочка. Каим сам взял мясо и кумыс.

— Ешь,— обратился он к девочке.

— Отец будет ругать. Он зажал мне губы, чтобы я ничего не ела.

— Твой отец не вернется и ругать тебя не будет,— сказал батыр и дал девочке поесть.

— Какой дорогой возвращается твой отец?—спросил он.

— Вот этой,— указала девочка.

Каим поехал по той дороге. Въехал он в лес, привязал коня к дереву, а сам притаился в засаде. Прошло немного времени, впереди показался Ак-дяду. На руке его сидел беркут, следом бежала гончая. Беркут клекотал, собака выла, а кольчуга чуть ли не разрывалась на нем от натуги. — Эй, проклятый пес, пусть твой вой погубит тебя самого, твой клекот, беркут, будет твоей же смертью, а ты кольчуга, чтобы одряхла! Все мое тело содрогнулось, когда родился Каим!..

— Что я сделал тебе плохого?!—закричал Каим и выскочил из укрытия. Схватились они насмерть. Долго бились. Наконец Каим поднял Ак-

дядю над головой и ударил о землю. Отрубил ему голову и поехал к его дому. Девочка увидела голову и заплакала, жалко ей было отца.

Каим поехал дальше и приехал к юрте Кара-дядю. Там было два казана мяса и две сабы кумыса. Дома была единственная дочка. Он вошел в юрту и увидел, что губы девочки тоже зажаты. Он сломал зажимы, посадил девочку рядом, накормил и расспросил, какой дорогой возвращается ее отец. Потом поехал навстречу. У Кара-дядю так же выла собака, клекотал беркут и разрывалась кольчуга.

— Эй, проклятый пес, пусть твой вой погубит тебя самого, твой клекот, беркут, будет твоей же смертью, а ты, кольчуга, чтобы одряхла! Все мое тело вздрогнуло, когда родился Каим!.. — злился дядю.

— Что я сделал тебе плохого?!— крикнул Каим, и они схватились. Каим одолел дядю, отрубил голову, привез дочери и сказал:

— На, возьми, твой отец отправился туда, откуда больше не возвращаются!

Приехал он после того в юрту Кзыл-дядю. Там тоже сидела девочка с зажатым ртом.

— Ты чья? — спросил ее Каим.

Девочка объяснила, что она дочь Кзыл-дядю.

— Тогда дай кумыса,— сказал он. Здесь было три казана мяса и три сабы кумыса. Девочка подала.

— Сними зажимы с губ и садись со мной пить кумыс,— предложил он ей.

Девочка не отказывалась, как прежние, сама сняла зажимы и стала с Каимом пить кумыс.

— Скажите, вы Каим-батыр?—спросила она.

— Да, как ты узнала?

— У моего отца есть два брата. Когда они соберутся, говорят: «Нам смерть принесет только Каим-батыр. Все мы погибнем от его руки». И вот я чувствую, близок час моего дорогого отца. Ты будешь драться с ним семь дней и семь ночей. Потом из носа моего отца начнут спускаться белый и красный шелковые шнуры. Когда можно будет хорошенько ухватиться

за них, ты ухватись и вырви их. Они и есть жизнь моего отца. Конечно, ты его победишь и без этого. Но если эти шелковые шнурки достигнут земли, то ни опутают тебе ноги, и пока порвутся, ты будешь драться не меньше одного месяца. А отец мой возвращается по этой дороге, поезжай, выедешь ему навстречу.

Каим выехал на дорогу и слышит: так же воеет собака, клекочет ловчий.

— Эй, проклятый пес, пусть твой вой погубит тебя самого, твой клекот, беркут, будет твоей же смертью, а ты, кольчуга, чтобы одряхла! Все тело мое вздрогнуло, когда родился Каим,— ворчал дядя. — Эй, дядя, что я тебе сделал недоброго?!—заорал Каим, выскочив из укрытия.

Они дрались отчаянно. Семь дней и семь ночей продолжалась их битва, и на восьмой день из носа Кзыл-дядя выступили на вершок белый и красный шелковые шнурки. Каим ловко ухватил их и вырвал. Кзыл-дядя грохнулся на землю. Каим отрубил его голову и привез дочери. — На, это голова твоего отца,— сказал он.

— В скорой смерти отца я виновата сама, не то он пожил бы еще немного,— ответила девочка.

В доме Кзыл-дядя Каим нашел морскую корову. Он остался ночевать в доме Кзыл-дядя. Перо огромной самрук он воткнул возле огня. — О, что я вижу, Каим вернулся!—услышал он наутро чей-то голос. Это была дочь Кара-дядя. На другой день Каим остался в доме Кара-дядя. Перо птицы он воткнул наискось у костра.

— О! Каим вернулся! — опять услышал он голос на следующее утро. Это была дочь Ак-дядя. Она сгоняла в кучу весь свой скот. Смотрит Каим и не верит глазам своим: он со скотом и дочерью Кара-дядя за ночь очутился у юрты Ак-дядя. Заночевал он на этот раз в юрте Ак-дядя. И опять воткнул перо птицы у огня... На четвертый день он очутился у своего дома. Обрадовалась жена, что муж жив и невредим. Прилетела самрук.

— Ну, батыр мой, это все, чем я могла послужить тебе за спасение тобой моих детей. Не обижайся за малую услугу и освободи меня,— сказала птица. Каим поблагодарил птицу и распрощался с нею. «Вернулся Каим и привез не только морскую корову, даже дочерей трех дядя»,— говорили всюду люди аула.

— О мой повелитель, по вашей воле я привез вам морскую корову, можете даже съесть ее мясо,— доложил Каим хану.

— Дорогой мой, после твоего отъезда я принял разные снадобья И: сейчас чувствую себя хорошо,— ответил хан. Потом он вызвал к себе мыстан.

— Этот дьявол опять вернулся, что еще можешь придумать? — напустился он на ведьму.

Долго думала мыстан.

— Ничего придумать не могу,— ответила она. Хан тут же умер от разрыва сердца.

По просьбе людей Каим стал ханом.

Прошло сколько-то времени, и старшая жена Кайма родила мальчика. Назвали его Арпалысом... На следующий год другие три жены тоже родили сыновей. Был устроен той на несколько дней.

Когда Арпалысу исполнилось шесть лет, он с сыном дочери Кара-дядю стал ходить на прогулку в горы. Отец подарил им одинаковые кольчуги и вооружение воинов. Когда Арпалыс брал в руки копье, на его наконечнике сверкала искра.

— Сын мой, пока что избегай встречи с противником. Искра на наконечнике твоего копья может погаснуть. Коль не послушаешься меня и затупится наконечник твоего копья, то опусти его в конский помет,— говорила мать.

Как-то Арпалыс с друзьями поднялся на гору. У подножия на другой стороне показался большой табун.

— Вы подождите здесь, а я поеду и узнаю, кто там обитает,— сказал Арпалыс своим друзьям и направился к лошадям. Пришел и видит: стоит много юрт. Из крайней большой юрты послышалось пение. Арпалыс подъехал к юрте, привязал лошадь к столбу, копье прислонил к юрте, вошел внутрь и приветствовал хозяев. В постели лежал на спине великан и напевал песню:

Старец жалуется на поясницу,
Я же силы свои хвалю.

Я готов с любым батыром сразиться,
Даже с войском — всех разгромлю.

Великан пел и не обратил никакого внимания на приветствие мальчика. Рассердился Арпалыс: «Если ты батыр, то посмотрю я на тебя!»— закричал он, выбежал на улицу, схватил копье, вскочил на коня и помчался к табуну великана.

Жена великана выбежала за ним, увидела, что он поскакал к табуну, и снова влетела в юрту.

— Напрасно ты не принял приветствие этого мальчика. Он не простой, а батыр. На конечнике его копья сверкают искры. Сейчас он угонит лошадей. Только ты не сразу вступи с ним в поединок. Сперва пошли других воинов. Когда мальчик убьет нескольких из них, копье его затупится. Вот тогда ты вступи с ним в поединок. Иначе тебе не одолеть его,— сказала она мужу.

Арпалыс с ходу испугнул большой косяк лошадей и погнал его. Табунщики видели это, но испугались Арпалыса и не посмели вступить с ним в бой. Но один из них расхрабрился и догнал Арпалыса. — Эй, батыр!— крикнул он.— Хозяин этого табуна такой же батыр, как и ты. Его боевой конь среди этих лошадей. Оставь хотя бы его коня.

— Хорошо, заведи коня,— сказал Арпалыс.

Мухортый конь был крупный, под стать своему хозяину. Пригнал табунщик коня и объяснил, что произошло. Рассердился великан. — Пока я догоню вас, преграждайте ему путь! Если же вы его упустите, тогда я сперва расправлюсь с вами! — пригрозил он.

Все погнались за Арпалысом. Вслед за ними поскакал и сам великан. Догнали табунщики мальчика. Всех их побил Арпалыс. А вот и сам великан. Ударил его Арпалыс, но его пика не смогла пронзить врага. Погасли искры. Арпалыс разогнал лошадь и с ходу воткнул копье в конский помет. Увидел это великан и повернул коня обратно. Догнал его Арпалыс, вонзил в него пик, и великан грохнулся на землю, как дерево, вырванное с корнями. Арпалыс вернулся к друзьям, и они поехали в аул. По пути в одной ложине они увидели человека. Он шел, все время падая и вставая.

— Поезжай, узнай, кто этот бедняга,— сказал Арпалыс одному из друзей.

Скоро посланец вернулся.

— Там старик и старуха. Приветствовал я их, а они не ответили. Они что-то высматривают, потом падают и царапают землю. Я ничего не понял.

— Побудьте здесь, я сам поеду узнаю,— сказал Арпалыс и, взяв с собой сына дочери Кызыл-дяду — Айма, поехал к старцам. Когда мальчики поклонились, старик резко поднял голову.

— Ой, мои милые, неужели это вы, если не сам Каим, то его дети? — сказал он и зарыдал. Это оказались отец и мать Кайма, некогда отправившиеся за мышами. Посадили дети стариков на коней и поехали домой. Одного из братьев Арпалыс послал к Кайму. — Скажи отцу, что я нашел деда, пусть отец захватит с собой кесе меда и выедет нам навстречу.

Получил Каим такое сообщение и подумал: «Что это значит, мой же сын повелевает мной!» Не понял он смысла слов Кайма, но все-таки выехал навстречу с полной кесе меда. Со слезами радости повстречался он с отцом и матерью. Когда все успокоились, он спросил Арпалыса.

— Сын мой, почему твое послание ко мне было столь повелительного тона?

— Отец мой, ты великий хан. Узнав о родителях, ты выехал бы из аула со слезами на глазах. Что могли бы подумать люди о своем хане? Я хотел, чтобы ты был величавым, как всегда,— ответил сын. Привез Каим родителей домой и устроил большой той.

Однажды его сыновья Касым и Есим вдвоем отправились в дальнейшее путешествие. Ехали они несколько месяцев и въехали в темный лес. На пути они встретили большие табуны лошадей. Кони паслись по масти: белые — в одном табуне, серые — в другом, саврасые и вороные — в третьем. Касыму и Есиму понравились табуны, и они решили угнать их в свой аул. Так и сделали. Вечером остановились на ночлег. Ночью пошел ливень, и они в поисках укрытия набрали на старый заброшенный там. Касым раньше Есима стреножил коня и вошел в там. Вверху кто-то бегал от одного угла к другому. — Кто там, человек или шайтан? Если человек, то отзовись, если шайтан, то я сейчас же убью тебя!— заорал Касым-батыр.

— Я человек,— послышался дрожащий голос.

— Что ты здесь делаешь?

— Я расскажу тебе все,— ответил незнакомец. Подошел он к Касыму и сел возле него.— Я сын бая. Нас было трое. Наш отец угнал свой скот и сам скрылся. Оставил нас. Мы стали бедными и не знали, куда податься.

Младший брат Каим тоже сбежал от нас. Бедняжка, не знаю, где его застала смерть. Мы со старшим братом нанялись пастухами— я пас лошадей, а мой брат — коров. Бай решил сменить свое становище. И когда вчера мы проезжали через эту местность, из-за бугра выскочил человек на белоснежном коне и помчался за нами. Вслед за ним — другой, третий... и так сорок человек на белоснежных конях набросились на нас. Я упал с коня и притворился мертвым. Когда они уехали, я кое-как добрался до этого тама и скрылся здесь.

— Вы говорите, что Каим — сын убежавшего бая?— спросил Касым.

— Да, мой милый, но откуда ты его знаешь? — удивил-ел незнакомец.

— Мы сыновья Кайма,— ответили Касым и Есим. Тут они обняли друг друга и отправились в путь. В пути повстречали еще одного человека. Это оказался старший брат Кайма. После объятий и поцелуев к ним подошел какой-то старик.

— Дети мои, вы говорите о Кайме — сыне Алган-бая?— спросил он.

— Да,— ответили ему.

— Ой-бой, сын мой, он еще жив! Когда я усыновил его, он женился на дочери хана Шигая и скрылся с нею,— сказал старик.— Вот это его вторая мать,— указал он на старуху, стоявшую в слезах.

Так через много лет вся семья собралась вместе.

Батыр Науша

Батыр Науша был выходец из богатого двенадцатиколленного Малого жуза. Науша рано остался сиротой и долго был беспризорным, пока не подобрал его один бай из рода Алим.

Богатый был этот бай. Одних только лошадей у него было несколько сотен, а другого скота он и счету не знал. Год от года множились стада бая, и одна только беда была у него: время от времени нападали на табуны воры и угоняли скот, особенно лошадей.

Распалилось от гнева на воров сердце маленького батыра, и вот однажды он обращается к своему приемному отцу:

— Отец, разрешите мне пасти лошадей. Помощников не надо — и один управлюсь.

Растрогался бай:

— Сын мой! Разве ты сможешь одолеть опытных воров. Эти злодеи убивают табунщиков — взрослых мужчин. Где уж тебе, ребенку, справиться с ними?!

Но Науша стоял на своем, и бай уступил. Обрадованный первым успехом Науша тайно от отца заказал восьмивершковую камчу из двенадцати ремней и айбалта.

Самый лучший скакун из табуна отца стал конем маленького батыра. Прикрепил мальчик балта между седлом и домброй, взял в руки камчу и, оставив всех табунщиков дома, выехал в ночное.

Не сходя с коня, объезжает маленький батыр табуны, чутко прислушиваясь к темноте. Наступила глубокая ночь. Вдруг забеспокоились лошади — помчался мальчик на шум и видит: три вора делят табун на части. Закричал Науша, но на него даже внимания не обратили. Погнали воры табуны — заплакал мальчик и — за ними:

— Братцы, не угоняйте моих лошадей. Не пользуйтесь тем, что я мал. Лишь смех в ответ. Разгневался маленький батыр, настиг он двух воров, ехавших рядом позади табунов, и сильными ударами камчи сбил их с коней. Третий вор бросился наутек, но мальчик и его настиг и сбил с коня. Собрал он вместе всех лошадей, прихватил коней воров и приехал домой. Вместе с

табунами пригнал он и воров, окровавленных, связанных одним арканом. Восторженно встречали аулчане маленького героя. А бай на радостях устроил богатый той. С этого времени ни у бая, ни у его соседей не стали пропадать лошади. Возликовали казахи — появился у них наконец защитник, и среди родов Алимуды и Байуды стали называть храброго мальчика батыром.

Прошло сколько-то лет — подросток Науша и затосковал по родным краям. Просит он отца отпустить его на родину.

Жаль баю расставаться с отважным джигитом, но разве удержишь человека силой? Раз задумал Науша уехать,— рано или поздно уедет. Отпустить его лучше добром.

Согласился бай и решил наделить джигита лошадьми и богатством, чтобы помнил он своего приемного отца. Но ничего не захотел брать Науша. Попросил он только двух верблюдов для переезда, двух коров и двух помощников. Еще он сказал отцу, что хочет взять одного коня из табуна. — Бери самого лучшего скакуна,— сказал бай. Пришли вечером Науша с баем к табунам. Науша и говорит:

— Отец, я лягу спать. Ночью ко мне подойдет конь и обнюхает со всех сторон. Вы запомните этого коня — он будет моим. Лег Науша, а бай остался в седле. Глубокой ночью подошла к Науше трехлетняя серая кобылица, тощая, облезлая, обнюхала юношу со всех сторон и осталась около него до утра. Науша проснулся утром и заявил, что его лошадь пришла к нему.

— Зачем тебе эта паршивая кобылица? Любая другая лучше этой,— недоумевал бай.

— Нет, отец. Эту серую я заметил еще жеребенком. Не хочу другой. Бай приготовил все, что хотел подарить Науше: табун лошадей, сотню овец, двух коров, двух верблюдов и двух помощников. Проводил он сына до Урала и со слезами на глазах благословил в путь.

С родом Алим граничил другой род, где жил батыр Силыбай. Огромного роста, толстый, сильный, Силыбай был непобедим в этих краях. Был он чванлив и горд не в меру. Его раздражали разговоры о каком-то там низкорослом, ничем не примечательном с виду Науше. Люто возненавидел Силыбай своего соперника и готов был померяться с ним силами, чтобы навсегда закрыть рты людям, восхищавшимся храбростью маленького батыра. Науша знал о настроении Силыбая и готовился к встрече с ним. Любил народ своих батыров, гордился ими. И больно было ему знать, что

Силыбай не признает своего маленького брата. Собрались однажды аксакалы двух родов и стали думать, как бы подружить им джигитов. И решили они устроить богатый той, пригласить на него батыров и познакомить их. При первой встрече они не посмеют драться, скорее всего подружатся. И вот уже все приготовления к тою закончены. Силыбай приехал раньше Науши и после взаимных приветствий расположился в отведенной для него юрте. Наушу тоже встретили с почетом и привели в юрту Силыбая. — Силеке,— обратились аксакалы к батыру,— ваш младший брат Науша пришел отдать вам салем.

Но Силыбай как лежал, вытянувшись во весь свой могучий рост, так и остался лежать, только голову слегка приподнял.

— Казахи часто не могут отличить настоящего батыра от обыкновенного джигита,— брезгливо бросил Силыбай.— А этот и на человека-то едва похож. Есть кому подавать руку. — Эй, Силыбай!— обиделся Науша.— Не слишком ли много берешь на себя? Не быть мне батыром, если будущей весной я не оставлю от тебя мокрого места.— Оскорбленный батыр выбежал из юрты, кликнул своих джигитов, вскочил на коня, и скоро только облако пыли закружилось вдали. Шли дни за днями. На смену лету пришла зима, после долгой зимы наступила весна.

Силыбай со своими джигитами перешел Урал и разорил род Байулы. Науша был в отлучке и не мог помешать разбойникам. Но когда до батыра дошел слух о постигшей его родичей беде, он собрал своих верных джигитов и помчался вдогонку врагам. Уверенный в своей силе, Силыбай не торопился. Он гордо восседал на белом скакуне, сам одетый во все белое. Сабля его с белым флажком на конце была наготове. «Ишь, какой самоуверенный наглец»,— подумал Науша и приказал своим джигитам быть осторожными, не проливать безрассудно кровь. — Если случится так, что Силыбай одолеет меня, вы, не мешкая, уходите,— наказывал он друзьям.— Если же я сшибу Силыбая, вы бросайтесь на его людей.

Гикнув громко, Науша во весь дух ринулся на Силыбая. Не сбавляя хода, он промчался мимо невозмутимо сидящего на своем коне Силыбая, и враг поскакал следом за ним. Что есть силы скакали лошади батыров, и когда Силыбай стал настигать своего соперника, тот неожиданно резко повернул коня и помчался навстречу противнику. Силыбай не растерялся и принял лобовой бой. Он взмахнул для сокрушительного удара саблей, но Науша ловко сломал рукоять его сабли и вонзил пику в висок противника. Силыбай тяжело рухнул на землю.

Увидев гибель своего батыра, люди Силыбая бросились наутек. Не стали преследовать их джигиты Науши, они собрали весь скот, богатство и вернулись домой.

* * *

На западной стороне земель рода Байулы были две долины с прекрасным водоемом — озерами Шандыкол и Тамдыкол. И вот возле этих озер на высоком холме поселился дракон. Не стало житья людям. Дракон поедал всех, кто появлялся у озер,— и скот и людей. Задумали люди откочевать из этих мест, но на выручку пришел Науша. Он дал слово батыра избавить народ от страшного чудовища. Взял он саблю и отправился к дракону. Джигиты видели, как он пошел на дракона, взмахнул саблей. Дракон взметнул хвост. Какое-то время не было видно ни батыра, ни дракона. Но вот показался Науша и медленно, еле волоча ноги, направился к джигитам. Все бросились к батыру, подхватили его на руки. Науша был очень бледен. Когда он несколько оправился, то рассказал: — Я отрубил голову страшилищу, но он в предсмертных судорогах задел меня хвостом, и я потерял сознание. Когда очнулся, то увидел, что лежу под хвостом дракона. Я с трудом высвободился — такой он большой и тяжелый. Скажите родичам, пусть остаются на местах — дракона уже нет. Народ горячо благодарил своего славного батыра.

Батыр Абат

Давно это было. Тогда у калмыков правил хан по имени Барби, а у казахов еще жив был Асанкайгы — заступник и страдалец народный. Зависть грызла калмыцкого хана день и ночь. Во сне и наяву не давали ему покоя заливные луга и светлые воды казахской реки Нуры. Чудилось ему, что владеют этими богатствами не их вечные хозяева — казахи, а он, хан Барби. И стал он располагать кочевья своей орды на этих землях. Если встречал недовольство — убивал всякого. Взроптали казахи: лучшие пастбища у захватчика! Да делать нечего: казахские богачи продались хану и пошли с ним заодно. Куда податься? Кому пожаловаться? В прежние времена за бедняков заступился бы умный и великий Асанкайгы, да стар он стал. Вспомнили тут бедняки, что у Асана есть сын — батыр по имени Абат. И отправились они к нему.

— Наши кочевья и воды захватили калмыки. Кто сопротивлялся— всех уничтожили. Богатые баи и беки нашли с калмыками общий язык. Лишенные средств для жизни и защиты, мы пришли за помощью к тебе.

— О родичи мои!— ответил им батыр Абат.— Пожалее ли я себя, если враг топчет родную землю, угнетает родной народ? Пойду посоветуюсь с отцом — он много виг дел, много знает. Рассказал батыр Абат отцу о случившемся. Отвечает ему Асанкайгы:

— Сын мой, свет очей моих! Необдуманный поступок всегда кончается неудачей. Всякое дело надо прежде хорошо обдумать. Калмыков много, и они сильны. Не спеши с решением, я сам поеду в их стан, все разузнаю и разведу.

Обрядился старый мудрец в одеяние бедного пастуха и отправился в лагерь калмыков. Стража доложила хану, что по всему стану бродит какой-то нищий старик. Он о многом спрашивает, на вопросы не отвечает. И повелел хан схватить непрошенного и привести во дворец. А надо сказать, что хан Барби был не только жаден, но и горяч не в меру.

— Скажи, мерзавец!— закричал он на мудреца.— С какой целью ты бродишь среди моих людей, все высматриваешь и выспрашиваешь? Кто ты и кем ты подослан?

— Разве может быть страшен тебе, молодому и сильному, старик, отживший свой век? Не я мерзавец, а твои баи и беки — это они угнали

мой скот. Следы скота привели меня сюда. Если ты и вправду справедливый хан, каким хочешь казаться, вели возратить мою потерю. Сразу поостыл от этих слов заносчивый хан Барби.

— Я вижу, ты смелый и мудрый человек. Если следы твоего скота ведут сюда, разыщу твою потерю и велю с миром отпустить тебя. Но прежде ответь на мои вопросы:

— Кто в твоём народе самый сильный и храбрый, кто самый великодушный?

Отвечает ему Асан:

— Самый сильный у нас Абат, он храбрее и великодушнее всех.

— Кто у вас из мужчин самый неревнивый? Отвечает Асан:

— Абат самый неревнивый изо всех мужчин.

— Кто у вас самый меткий стрелок? У кого самый зоркий глаз?

— Самый меткий Абат среди нас, глаз его самый зоркий.

— Кто у вас ближе всех и дороже народу? Если враг нападет, налетит как туча, кто защитит народ ваш?

— Абат ближе всех и дороже народу. Если враг налетит как туча, Абат-батыр первый встанет на защиту народа и родины.

— Хорошо,— сказал хан Барби.— На все вопросы ты отвечаешь одно и то же — «Абат». Кто ж он таков и чей сын он?

— Абат — сын Асанкайгы. Неспроста к имени Асана народ прибавил «кайгы» — «горе», «горемычный». Асанкайгы безраздельно переживает со своим народом все горе и невзгоды.

И ответил честлюбивый калмыцкий хан:

— Я доволен твоим ответом. Хотел бы я хоть раз взглянуть на этого батыра и испытать его. Таков ли он на самом деле, каким ты его славишь? Но для всего свой черед. Ты, старик, поезжай к себе. Скот твой велю найти и возратить.

На прощанье хан подарил Асану коня и дорогой халат. Довольный, мудрец отправился в аул.

Хан Барби собрал визирей и беков на совет. — Надо испытать батыра, которого так расхвалил этот старый казах. Вы должны придумать немедленно, как это сделать. Первым заговорил старший визирь:

— О повелитель мой, я предлагаю снарядить сорок конных джигитов. Скрытно, ночью они должны напасть на табуны Абата. Если Абат и вправду храбрый батыр, он не будет скликать народ для защиты своих табунов. Батыр один выйдет против сорока. Тут его и надо схватить. Если Абат и вправду сильный, то он один отобьется от сорока. Тут джигиты должны рассказать ему обо всем и просить прощения. Если Абат и вправду великодушен — он не будет мстить побежденным и отпустит их домой. Согласился хан со словами визиря. Отобрали калмыки сорок лучших джигитов. Хорошо вооруженные, сев на скакунов, направились они к аулу Абата. Двигались только ночью, днем скрывались в прибрежных камышах озер.

Каждый раз перед сном Абат объезжал свой аул вокруг. У его юрты всегда стоял наготове оседланный конь, оружие его всегда было в порядке. И на этот раз Абат объехал вокруг аула и лег спать. Но сон его был чутким. Сквозь дрему слышался ему конский топот со стороны табунов. Вооружившись и вскочив на коня, Абат помчался туда. Еще издали он увидел, что сорок джигитов угоняют его табун. Спокойно Абат слез с коня, натуго затянул подпругу и снова верхом направился наперерез табуну. Сорок джигитов-калмыков заметили Абата. С гиком и свистом пустились они к батыру. Абат не подпустил к себе ни одного, отразил атаки всех, сразил десятерых. Тридцать пленных калмыцких джигитов он пригнал в аул. Взмолились пленные о пощаде:

— Не враги мы тебе, а батыры, как ты. Приехали испытать твою храбрость и силу. Ты доказал их на деле. Так будь еще и великодушен: не унижай нас и отпусти.

И ответил калмыкам батыр Абат:

— Хорошо, отпускаю я вас. Поезжайте к своему хану и скажите, что мы, мирные казахи, живущие на всех этих огромных пространствах, никогда не были посмешищем для врага. Пусть хан подумает над этим. И передайте, что мы с ним еще встретимся. Приехали калмыки домой, рассказал все. Подивился калмыцкий хан храбрости, силе и великодушию Абата. И решил он его испытать во второй раз.

По всей орде разослал хан Барби приказ: «Тому, кто в точности выполнит мою волю, я уплачу стоимость двух человек. Пусть доброволец явится ко мне сам».

Услыхал о приказе один бедняк. Жил он в безысходной нищете и не мог прокормить свою семью. Прикинул бедняк: все равно пропадать мне с семьей от голода. Если и не смогу выполнить ханский приказ — без сожаления пойду на плаху. А если посчастливится выполнить ханскую волю — получу стоимость двух человек. Как не радоваться! Это большие деньги, только они спасут детей моих от голодной смерти. Пришел он к хану и сказал:

— Если уплатишь стоимость двух человек, то я готов исполнить твой приказ, о великий хан!

Хан выдал бедняку обещанное, нарядил его франтом, дал пару лошадей и наказывает:

— Поезжай в аул Абата. Выследи, когда его не будет дома, и ложись в постель рядом с его женой. Продолжай лежать и тогда, когда Абат вернется и увидит тебя. Как он поведет себя — об этом ты придешь и расскажешь точно.

Бедняк засомневался:

— О хан мой, если жена Абата живет с ним в любви и согласии, то она и близко не подпустит меня к себе!

— Что бы с тобою женщина ни делала, что бы ни говорила — не уходи. Ведь ты же согласился выполнить любой мой приказ! Как ты смеешь роптать?

«И то правда,— подумал бедняк.— Положить голову на плаху я всегда успею. Лучше доверюсь судьбе, поеду в аул Абата».

Ехал бедняк день, ехал два, на третий приехал в аул. Спрятавшись поблизости, стал наблюдать.

Абат по своему обыкновению объезжал перед сном вокруг аула. Вдруг в овраге он увидел пару привязанных коней, а у аула притаившегося мужчину. Когда Абат подъехал, калмык упал от страха на землю и закрыл лицо руками. — Кто ты и откуда?—спросил Абат. Трясаясь как в лихорадке, калмык рассказал всю правду, без утайки.

— Ради своих голодных детей я решил испытать судьбу. Кажется, она меня подвела. Теперь я в твоей воле. Вот моя голова — можешь казнить меня.

— Побереги свою голову, бедняга, для другого случая. А теперь договоримся с тобою о дружбе. Я очень обижен на этого самого Абата,— схитрил батыр.— Идем со мною, я знаю, где он живет. Его сейчас нет дома, слышно, батыр отправился в набег. Я помогу тебе одурачить его. Привел Абат калмыка к своей юрте. Калмык взмолился: — Зайдите первым, не губите меня.— Абат вошел в дом, снял доспехи, возвратился и говорит калмыку:

— Можешь входить: в юрте никого нет, и жена Абата как раз легла спать.

Калмык пошел в юрту, но не успел войти, как споткнулся о нарочно подставленные Абатом таз и ведро. От их грохота проснулись все домашние. Перепуганный калмык бросился удирать. Вдогонку ему зло залаяли собаки, от их лая проснулся весь аул. Люди заметили убежавшего калмыка, поймали и привели к Абату.

— Ну и труслив же ты, бедняга! Заяц храбрее тебя. И такого труса хан послал, чтобы опозорить меня, батыра Абата! Передай своему хану, пусть не беснуется. Если хочет потягаться со мною, пусть вызывает на честный бой, как батыр батыра.

Калмык вернулся к хану и рассказал ему обо всем увиденном и услышанном.

И послал хан Барби своих гонцов к батыру Абату с богатыми дарами и приглашением в гости.

Посоветовавшись с отцом, Абат принял от хана и дары и приглашение. Захватив с собою пять сотен джигитов — верных товарищей своих,— отправился Абат в ставку хана на озеро Кабанье, близ реки Нуры. С почестями встретил их калмыцкий хан. Он велел поставить сто белоснежных юрт и разместить в них гостей. Так делал хан Барби, чтобы подружиться с Абатом и переманить батыра на свою сторону...

Все знали, что хан Барби был страстным охотником. Но всякий раз, как только хан выезжал на охоту и пускал на зверя своего беркута, из темного ущелья окрестных гор вылетала какая-то диковинная желтая птица. Она нападала на ханских ловчих и клювом в голову убивала их. Хан был метким стрелком и мог бы подстрелить эту хищницу, но ему хотелось поймать ее

живьем. И решил он поручить это своему почетному гостю — батыру Абату, чтобы заодно и испытать, так ли меток Абат и зорек его взгляд, как об этом говорил когда-то Асанкайгы. С этой целью приглашает он Абата на охоту. Батыр согласился и велел оседлать своего любимого иноходца Таспу.

С ханом Барби на охоту
Поехал батыр Абат,
Под ним — гнедой иноходец,
За ним — небольшой отряд.
Он знает, каких джигитов
Брать на охоту с собой:
В меткой стрельбе из лука
Ему не уступит любой.
И хан не один, конечно,
С ним тоже дружки-стрелки,
И беркут, готовый в небо
Сорваться с его руки.
Скачут все вместе, и ноздри
Вспотевших коней дрожат.

К горным дорогам привычны
И тот и другой отряд.
Хан — бывалый охотник,
Рассказывать не устает
Про разные приключенья,
И редко когда соврет: —
Охотился я однажды
Вот в этих самых горах.
Был беркут со мной, что мог бы
Нагнать и на волка страх.
Лишь только на холм поднялся,
Вот тот, что травой зарос,
Так сразу же их увидел —
Пасущихся диких коз.
Рукою подать — так близко.
Восторг охватил меня.
Я беркута отпускаю,
Пришпориваю коня.
Уж беркут добычу выбрал,
Вниз камнем летит... как вдруг
Послышался, нарастая,
Какой-то свистящий звук.
Гляжу: то желтая птица

Вылетела из-за скал
(Я даже во сне такую
Не видел и не слышал),
Как будто стрела пронзила
Небесную синеву...
И,— с головою пробитой,
Мой беркут упал в траву...
С тех пор эта желтая птица,
Горный обживши край,
Следит за моей охотой —
Хоть беркутов не пускай.
Не птица — чудо из сказки.
Никак не могу понять.
Поймать бы ее живую,
Да, видно, не мне поймать.
Ведь птица летит так быстро —
Едва поспекает взгляд...
Про меткость твою из лука
Я слышал, батыр Абат.
Берись-ка поймать — и, если
Удача выпадет нам,
В награду все, что попросишь,
Я непременно отдам...
Хан не успел похвалиться
Своим несметным добром —
Козы, почуя опасность,
Бросились прочь табуном.
Охотники — вслед за ними,
Крича и толкаясь... как вдруг
Послышался, нарастая,
Все тот же свистящий звук.
И ханова — не другого —
Сбив беркута на лету,
Желтая птица спокойно
Вновь набрала высоту.
— Стреляй же!— батыру
Абату Хан Барби говорит.—
Стреляй в нее поскорее,
Не то она улетит.
— Во что стрелять?
— уточняет Батыр, поднимая лук,
И слушает, как затихает
Крыльев свистящий звук.

— Стреляй по крылу любому,
Стреляй, но один лишь раз.
И если желтую птицу
Живою возьмем сейчас,
То клятву свою сдержу я,
Достойно воздам хвалу...
— Согласен!— батыр ответил
И тут же пустил стрелу.
И что же? Внезапно крыльев
Прервался далекий свист,
И птица вниз упала,
Словно осенний лист.
Нашли ее на вершине,
Где не росла и трава,
Стрелой лишь крыло задето,
Сама же она — жива.
— Слава!— вскричали калмыки,
И хан, восторг не тая, Сказал:
— В подобную меткость,
Признаться, не верил я.
Но если словам не верил —
Поверю своим глазам.
По подвигу и награда:
Все, что попросишь, отдам!

К горным дорогам привычны
И тот и другой отряд.
Хан — бывалый охотник,
Рассказывать не устает
Про разные приключенья,
И редко когда соврет: —
Охотился я однажды
Вот в этих самых горах.
Был беркут со мной, что мог бы
Нагнать и на волка страх.
Лишь только на холм поднялся,
Вот тот, что травой зарос,
Так сразу же их увидел —
Пасущихся диких коз.
Рукою подать — так близко.
Восторг охватил меня.
Я беркута отпускаю,
Пришпориваю коня.

Уж беркут добычу выбрал,
Вниз камнем летит... как вдруг
Послышался, нарастая,
Какой-то свистящий звук.
Гляжу: то желтая птица
Вылетела из-за скал
(Я даже во сне такую
Не видел и не слышал),
Как будто стрела пронзила
Небесную синеву...
И,— с головою пробитой,
Мой беркут упал в траву...
С тех пор эта желтая птица,
Горный обживши край,
Следит за моей охотой —
Хоть беркутов не пускай.
Не птица — чудо из сказки.
Никак не могу понять.
Поймать бы ее живую,
Да, видно, не мне поймать.
Ведь птица летит так быстро —
Едва поспекает взгляд...
Про меткость твою из лука
Я слышал, батыр Абат.
Берись-ка поймать — и, если
Удача выпадет нам,
В награду все, что попросишь,
Я непременно отдам...
Хан не успел похвалиться
Своим несметным добром —
Козы, почуя опасность,
Бросились прочь табуном.
Охотники — вслед за ними,
Крича и толкаясь... как вдруг
Послышался, нарастая,
Все тот же свистящий звук.
И ханова — не другого —
Сбив беркута на лету,
Желтая птица спокойно
Вновь набрала высоту.
— Стреляй же!— батыру
Абату Хан Барби говорит.—
Стреляй в нее поскорее,

Не то она улетит.
— Во что стрелять?
— уточняет Батыр, поднимая лук,
И слушает, как затихает
Крыльев свистящий звук.
— Стреляй по крылу любому,
Стреляй, но один лишь раз.
И если желтую птицу
Живую возьмем сейчас,
То клятву свою сдержу я,
Достойно воздам хвалу...
— Согласен!— батыр ответил
И тут же пустил стрелу.
И что же? Внезапно крыльев
Прервался далекий свист,
И птица вниз упала,
Словно осенний лист.
Нашли ее на вершине,
Где не росла и трава,
Стрелой лишь крыло задето,
Сама же она — жива.
— Слава!— вскричали калмыки,
И хан, восторг не тая, Сказал:
— В подобную меткость,
Признаться, не верил я.
Но если словам не верил —
Поверю своим глазам.
По подвигу и награда:
Все, что попросишь, отдам!

Батыр Абат напомнил обещание хана:

— Ты возвратишь казахам нечестно захваченные тобою земли нашего края, реки Иргиз и Тургай и все их притоки, земли между Волгой и Уралом и степи Сары-Арки.

Хан Барби круто повернул коня и собрался уезжать.

— Даю тебе, хан, на раздумье три дня,— сказал батыр Абат.— Ответа твоего буду ждать вон на той вершине Холма трех быков.

В народе не напрасно говорят, что с тех пор калмыки больше не кочевали по земле казахской.

Батыр Акжан

Жил бай. Владел он большими стадами разного скота. Что ни год, то множились стада бая, и все труднее стало присматривать за ними: то птицы и звери нападут, то вор появится и угонит косяк лошадей. И вот как-то осенью, когда по утрам степь стала сесть от инея, загоревал бай: «Приближается долгая зима. Как уберечь стада от лютых холодов, зубов хищников и завистливых людей?» И надумал бай поискать в степи опытного табунщика, смелого и меткого стрелка, кому можно было бы доверить табуны.

Был в степи такой казах, известный табунщик, батыр и меткий стрелок Акжан, у которого только и было богатства что гнедой конь. Приезжает к нему бай и умоляет:

— У меня шесть табунов лошадей. Если они благополучно перезимуют, один табун будет твой.

Что батыру вору и хищники! Согласился Акжан и попросил бая дать ему в помощники пять человек. Выделил бай пять человек — один из них был брат бая.

Выбрал Акжан сочные пастбища. Табунщики поставили в затишье шестикрылую юрту, чтобы готовить здесь пищу и отдыхать по очереди. За днями проходят дни, за месяцами — месяцы. Никто не увел ни одного коня, ни один зверь не полакомился кониной. Однажды Акжан, как обычно, отсылает табунщиков отдохнуть и остается с табунами один. Табунщики развели огонь, приготовили пищу, подкрепились, отдохнули. Пора было ехать к табунам, дать отдых батыру. Брат бая, разомлев в тепле после сытной пищи, запрямылся, не захотел ехать к табунам и лег спать. Табунщики не стали с ним спорить, сели на коней и уехали. Скоро к юрте подъехал Акжан.

Смотрит Акжан: юрта странно приподнята над землей. Подъехал батыр ближе — внутри сидит огромное одноглазое чудовище — дядю и жарит на огне байского брата. Батыр не испугался: он вошел в юрту и выстрелил прямо в глаз великана. Дядю взревел от боли, вскочил и бросился наутек, унося на себе юрту. Акжан на коне преследовал дядю. Долго шла погоня, наконец страшилище скрылось в огромной пещере. Батыр спешился и вошел в пещеру. Осмотрелся он и увидел дядю. Тот был мертв. Забрал Акжан юрту и вернулся к табунам.

— Я должен поехать в аул и рассказать баю о случившемся,— сказал батыр табунщикам, попрощался с ними и поехал. До аула было три дня пути. Весь день ехал Акжан, к вечеру заехал в один аул, чтобы переночевать. В юрту, где остановился Акжан, вошел незнакомый человек. Поговорив о том о сем, он ушел, спросив почему-то у хозяев, где они постелят своему гостю. Хозяева недоумевали, зачем это нужно незнакомцу, но Акжан догадался, что братья убитого им дядю хотят отомстить ему. «Держись, Акжан, ночью тебе предстоит бой!»

Батыр положил на свою постель бревно, укрыл его своим чапаном, а сам спрятался в овраге около юрты и стал ждать. Глубокой ночью вдруг прилетела огромная птица, опустилась у дверей юрты и превратилась в огромного человека. Это был дядю. Дядю вошел в юрту, но тут же вышел, волоча за собой бревно. Акжан выстрелил из лука, великан взвизгнул и побежал, увлекая бревно. Акжан сел на коня, поехал по следу дядю и нашел его мертвым.

С рассветом батыр продолжал путь и опять остановился на ночлег в чужом ауле. Здесь точь-в-точь повторился случай с дядю, Акжан убил и этого. На третий день батыр добрался до своего аула, рассказал людям о поединке с тремя дядю, а баю поведал о смерти его брата. Бай очень горевал, да что делать — мертвые не воскресают от слез. Устроил бай в честь батыра Акжана богатый той, на котором гуляли все люди аула.

Акшахан и Мендисулу

Жил батыр Нарок. Был он честен, прям, обладал редким даром красноречия и пользовался за это в народе большой любовью. Прослышал хан Акшахан о батыре и приблизил его к себе. Стал Нарок жить при царском дворце, участвовать в правлении государством.

Не по нраву пришлось это советникам хана: какой-то сомнительный батыр заслонил их от хана. Решили они известить славного батыра. Думали завистники, как вызвать у хана гнев на Нарока, и придумали. У Нарока была красавица жена, да и умом она удалась под стать мужу. Вот и решили советники сыграть на слабости хана к женскому полу. Пришли они однажды к хану и ну наперебой расхваливать жену батыра: красивее ее нет женщины во всем царстве, а умом она может потягаться с самим ханом. — Она единственная достойна быть вашей женой и украшением ханства.— Так напоследок сказали советники хана и, низко поклонившись, удалились.

Коварство удалось: потерял хан покой и сон, день и ночь думает о жене батыра. Совсем извелся. И вот позвал он как-то советников и просит помочь ему.

Советникам того и надо. Они давно уже придумали, как заполучить им жену ненавистного батыра. Говорят они хану:

— Таксыр, напишите хану кереев письмо, в котором попросите убить подателя письма, и пошлите с ним батыра Нарока. Так хан и сделал. Скоро письмо было готово и вручено Нароку.

Но не так легко было провести славного батыра: разгадал он намерение хана, никуда не поехал, а спрятался в своем доме и стал ждать что будет. Хан не замедлил исполнить свой коварный замысел. Послал он к Мендисулу человека сообщить о своем желании быть гостем красавицы. И вот хан со свитой в доме жены батыра. С большим почетом встретила Мендисулу повелителя, щедро угостила его. Совсем потерял голову хан. Выпроводил он всех и попросил красавицу стать его женой.

Отвечала умная женщина:

— О таксыр, ваше предложение для меня большая честь, но моим ответом вам будет такой рассказ. Послушайте внимательно.— И Мендисулу рассказала:

— У моего деда было бесчисленное количество скота. Особенно много было лошадей. Но вот беда: из табуна стали исчезать кобылицы, по одной каждый день. Как ни смотрели табунщики, не могли уследить. Тогда дед сам сел на коня и отправился к табуну. Едет он степью и вдруг видит: у подножия горы лежит лев. Вот, оказывается, кто крадет кобылиц! Подъехал дед ко льву.

— Эй, зверь, это ты ворует моих кобылиц? Заговорил лев:

— Да, я. Вы — бай, и если будете давать мне по кобылице, не обеднеете. Не дадите — сам возьму. Пойдете против меня — лишитесь всех табунов.

Испугался дед и стал сам отдавать льву по кобылице каждый день. Шло время, и однажды лев не принял жертву деда. Удивился дед: — Эй, лев! Или тебе приелось кобылье мясо?

— Я не питаюсь объедками других,— отвечал лев. Ничего не понял дед:

— Что ты говоришь? Какие же это объедки? Это живая кобылица из моих табунов. Она родилась и выросла у меня.

Лев сказал на это:

— Когда кобылица была еще жеребенком, кто-то, видимо, волк, хотел полакомиться ее мясом, но ему не удалось это, он успел только вонзить зубы в ее бедро. Я чувствую запах другого зверя, и мне неприятно это. Дедушке нечего было ответить.

— Вот и вся история, таксыр,— закончила рассказ Мендисулу.

Понял хан, к чему женщина рассказала эту историю, и, пристыженный, понурился, молча вышел из дома.

Не мог батыр Нарок простить Акшахану его поступка, оставил он его и ушел со своей красавицей женой к хану кереев.

Эргосай-батыр

Эргосай был такой бедняк, что в степи трудно второго такого найти. Раз пришел он к богатому соседу. В просторной юрте запах хороший. Посредине стоит большая чашка с мясом, от лапши с бараниной пар поднимается, кругом гости сидят, мясо едят и жир с пальцев облизывают. Эргосай сел на корточки у порога и слюну глотает. Изредка бросали ему обглоданные кости, но чаще смеялись над ним.

— Зарезал бы ты, Эргосай, свою скотину!

Поглодал кости бедняк, но разве это пища для здорового человека?

Злой, с пустым животом пришел он в свою юрту. Тут как назло в углу запищала единственная скотина — мышь.

Рассердился еще больше Эргосай, поймал мышонка и хотел убить. Но мышонок ему сказал:

— Какая польза тебе от того, что ты меня убьешь? Ведь шкура моя никуда не годится, и мясо — пища для кобчика, а не для человека. Лучше ты меня в советники возьми.

— Пусть будет по-твоему,— согласился Эргосай.

— Вот мой первый наказ,— сказал мышонок.— Пойди к кузнецу, закажи ему большой топор с надписью: «Славный батыр Эргосай убил этим топором триста семьдесят батыров».

Пришел Эргосай к кузнецу, заказал топор. Кузнец сковал топор и с насмешкой сказал Эргосаю:

— Эх ты, славный батыр Эргосай! Ведь тебе даже своего мышонка не убить!

Рассердился Эргосай, что его мышонком попрекают. Пришел домой с топором, на мышонка кинулся.

— Не тупи топор, не губи будущей славы, а лучше поезжай в степь на состязание батыров,— говорит мышонок.

Эргосай поехал в степь. Из аула в аул передавали весть о славном батыре.

Раз, когда он спал, к нему со стадом подъехали батыры. Увидели они топор с такой грозной надписью, сразу ускакали и оставили весь скот. Эргосай проснулся, забрал скот и пригнал его в свой аул. С тех пор не переводилось мясо в юрте Эргосая.

Как-то тяжело заболел мышонок. Заплакал Эргосай возле умирающего мышонка.

— Как мне теперь жить? — спросил он.

Так же счастливо живи, не жалея угощения для певцов и музыкантов, чтобы они везде пели о твоём могуществе, тогда твоей славы хватит на всю жизнь,— сказал мышонок и умер.

Эргосай счастливо дожил до глубокой старости, и не переводились у него жирное мясо и вкусный кумыс.

Алеуко-батыр

У Алеке был сын. Звали его Алеуко. Однажды он увидел во сне дочь хана и влюбился в нее. Алеуко решил разыскать ее. Пробрался он к девице, усыпил сторожей, переставил свечи, которые стояли в головах. Девица проснулась, увидела, что свечи переставлены, и приказала казнить сторожей, а на их место назначить новых. Но и этих Алеуко усыпил и переставил свечи. Девица увидела Алеуко и влюбилась в него. Она стала просить своего отца выдать ее за Алеуко. Но хан не согласился: человек черной кости не может быть мужем его дочери. Но Алеуко не отступил от своего: он попросил отца высватать ему дочь хана. И тогда отец Алеуко пришел к хану и запел:

Ты железо, ты железо, а я уголь.
Я пришел расплавить железо.
Я пришел соединить детей взрослых.

Услышала ханская дочь и запела в ответ отцу Алеуко:

Моя нежная шея утомилась, молодец.
На моей спине появился нарыв, молодец.
Убегай в горы, молодец!
Слепой Карьке догоняет, молодец...

Опять запел отец Алеуко:

Твоя нежная шея утомилась, моя дорогая!
На твоей спине сделалась ссадина, моя дорогая!
В горы беги, моя дорогая!
Я не уйду, не сразившись с Карьке!

Хан не согласился выдать дочь за Алеуко. Но дочь не желала идти за другого. Тогда хан сказал:

— Пусть Алеке наполнит скотом все мои летовки, зимовки и осеневки. Если выполнит он это, то я выдам свою дочь за его сына. Алеке выполнил желание хана. В это время Алеуко был в походе, и хан воспользовался этим и откочевал в другое место. Когда Алеуко вернулся, то не застал хана. Отправился джигит разыскивать свою любимую. Вот он доехал до большого моря, переправился на другой берег. Там он нашел хана, который собирался выдать свою дочь за слепого великана Карьке и готовил свадьбу. Пришло время праздничных состязаний. Стали бороться. Вышел брат слепого великана. Никто его не смог осилить. Тогда Алеуко превратился

в Тазша-балу и попросил разрешения бороться с великаном. Над ним стали смеяться. Но Алеуко взял брата Карьке за руку, ударил его о землю — разбился великан вдребезги. Тогда вышел сам Карьке. Таз-ша-бала сказал хану, что будет драться с Карьке лишь в том случае, если хан отдаст дочь за победителя. Хан не согласился, и борьба не состоялась. Началась байга. Тазша-бала выехал на жеребенке. Сидевшие на бегунцах стали над ним смеяться. Они уехали вперед, а Тазша-бала остался позади. Когда они были на половине пути, он обратил своего жеребенка в его настоящий вид — в хорошего скакуна и обогнал своих соперников. Ханская дочь пошла посмотреть на победителя и заметила на руке Тазша-балы свой перстень. По этому перстню она узнала Алеуко и договорилась с ним бежать от отца. Ханская дочь была волшебница: она посадила Алеуко себе на спину и полетела. Слепой Карьке заметил это и погнался за ними.

Тогда девица запела:

Больно моей спине, Я устала.

Алеуко ответил ей:

Если ты устала, то остановись!
Я буду биться с ним...

Она остановилась, и великан догнал их. Алеуко сказал великану, что первым должен стрелять он, Алеуко, потому что является первым женихом красавицы: он первый высватал ханскую дочь. Карьке согласился. Алеуко выстрелил в грудь противника и убил его. Со своей возлюбленной Алеуко возвратился к хану. Тот был вынужден отдать за него дочь. Навьючил хан на восемьдесят верблюдов разного добра и отпустил молодых.

Алеуко со своей женой уехал в родной аул.

Кызыл-батыр и див

В далекие времена жил хан. У него была красавица дочь. В нее были влюблены все ханы, все батыры и все дивы. Влюблен в нее был и сам величайший Див. Он решил сосватать эту девицу и послал к хану сватов: «Пусть хан выдаст за меня дочь свою».

— Дочь я свою не выдавал за ханских сыновей,— сказал хан сватам Дива,— а за вашего Дива и подавно не выдам. Кроме того я дал полную волю дочери самой выбирать жениха: за кого она захочет, за того и выйдет. Вернулись сваты от хана с таким ответом к Диву. Див разгневался, собрал большое войско и пошел войной на хана. Когда он подошел к городу, где жил отец красавицы, то увидел многочисленное войско. Хан предвидел гнев Дива и на всякий случай приготовился к встрече. Несколько дней шло кровопролитие. Победу одержал Див. И когда дочь хана узнала об этом, она послала своего человека к Диву сказать, что готова идти за него замуж, пусть он не истребляет население ее города. И поставила ему одно условие: праздновать ее свадьбу сорок дней и для народа устроить веселье тоже на сорок дней. Див согласился и приступил к свадебному торжеству. Долго веселился народ. И когда все торжества подходили к концу и Див собрался обвенчаться по обычаю с ханскою дочерью, приехал в город батыр по имени Кызыл со своими друзьями и приближенными. Он подъехал к ханскому дворцу и вызвал красавицу. Див узнал об этом, надел доспехи, сел на коня и — прямо ко дворцу, чтоб снести голову ханской дочери и батыру. Когда он подъехал ко дворцу, то увидел дочь ханскую с батыром.

— О Кызыл-батыр! — сказал Див.— Оба мы любим эту девицу. Я не хочу застрелить тебя врасплох, а горю нетерпением помериться с тобою силой.

— Это дело ты говоришь,— сказал Кызыл-батыр.

— Так как я старше тебя,— сказал Див,— то и стрелять буду первый.

— Стреляй! —сказал Кызыл.

Когда Див выстрелил, то боевой конь батыра подскочил к небу, и стрела пролетела под ним, не причинив вреда Кызылу.

Настала очередь Кызыла. Он выстрелил и убил Дива. И после победы над Дивом Кызыл был обвенчан с ханскою дочерью.

Оказывается, дочь хана выговорила восемьдесят дней у Дива для того, чтобы дождаться своего возлюбленного Кызыла, который только и мог ее спасти.

Благодаря своему уму она добилась себе счастья, и народ спасен от гибели Кызыл-батыром.

Батыр, побеждающий злых духов

Жил в старину один бай. Много добра у него было: и табуны лошадей и стада баранов, и никто в той стране не мог сравняться с ним в этом богатстве. И была у бая кобыла, которая наполовину была из золота, а наполовину из серебра. Каждый год кобыла приносила по жеребенку — такому же, как она сама. Но каждый год, на заре, когда она жеребилась, спускалось с неба облако и уносило жеребенка. Так продолжалось много лет.

У бая было три сына. Сыновья выросли, и как-то раз отец позвал их к себе:

— Я стар и при жизни хочу определить, кому и что дать в наследство. Теперь из жеребят, похищенных облаком, составились бы целые табуны лошадей, но облако по-прежнему похищает их. Кто из вас узнает, куда прячет облако эти табуны, которые должны быть наполовину из золота, а наполовину из серебра, тому они и достанутся.

Сыновья согласились караулить то облако. И вот старший из них пошел в табуны в тот день, когда пришло время жеребиться кобыле. Поймал он ее и ждет, что будет. Вдруг является облако и похищает жеребенка. То же самое произошло и при среднем брате во второй год.

Наконец отправляется младший брат. Идет он в табуны, а сам думает, что это облако не простое, а какая-то нечистая сила. Поймал он кобылу, стреножил ее и ждет, что будет.

Поутру кобыла жеребится. Как только жеребенок начал расправлять ноги, с неба спустилось на землю облако. Как только оно схватило жеребенка, младший брат выстрелил в него. Облако взвизгнуло по-женски и уронило что-то на землю. Младший брат прибежал на то место, где был жеребенок, и видит: на земле лежит женский палец. Он взял его, завернул в тряпицу и ушел домой.

Пришел он к отцу и стал проситься у него пойти поискать то место, куда облако прячет жеребят. Отец благословил его, и джигит отправился в путь-дорогу.

Долго он скитался по белому свету и наконец пришел в одно место, где было большое скопище народа. Джигит вошел в толпу, спросил, почему здесь такое сборище? И народ рассказал ему, что они собрались принести жертву аллаху, чтобы он избавил их хана от страшных мучений, которые он

терпит в своей могиле. Каждый вечер на его могилу прилетает на белой лошади какой-то человек в белом одеянии и перепрыгивает через могилу. После этого хан встает из могилы и бьется в страшных муках. И так мучается до белой зари, пока человек в белом одеянии не исчезает. У хана осталась красавица дочь, она дала слово выйти замуж за того, кто избавит умершего отца от неизвестного посетителя его могилы.

Джигит просит указать ему, где похоронен хан, и отправляется на его могилу. В сумерках появился человек в белом одеянии, перескочил через могилу и крикнул: «Встань!» Хан очнулся. Джигит схватил незнакомца за концы его одежды и вырвал у него из рук нагайку. Чело век в белом что-то произнес женским голосом и исчез. Поутру джигит пошел к ханской дочери и сказал ей, что незнакомец больше не явится. И действительно, хан не вставал больше из могилы. Человек в белом одеянии и на белой лошади исчез.

Ханская дочь предложила джигиту свою руку, но он попросил ее подождать и отправился дальше в путь-дорогу. Долго шел он по пустынным местам и наконец видит: опять народ собрался на берегу большой реки. По реке плывет корабль, а народ на берегу плачет. Джигит попросил объяснить: почему народ плачет, что у него за горе? И ему рассказали: — Много погибло народу в этой реке. Только корабль доплывает до середины реки, как из воды показывается рука и топит корабль. Джигит сел на этот корабль. Когда корабль дошел до середины реки и из воды показалась рука, чтобы схватить корабль и потопить его, джигит наклонился и схватил эту руку. Рука взвизгнула по-женски, вырвалась, а в руках у джигита остался перстень. С тех пор народ благополучно переправлялся через реку.

Пошел джигит дальше. Шел, шел — утомился, изнемог и решил отдохнуть. Вдруг видит, в стороне от дороги три белые кибитки стоят. Вошел джигит в одну из них — никого, вошел в другую — никого, входит в третью — слышит разговор девушек. Говорит одна из них:

— Каждый год я похищала у одного бая жеребят наполовину из золота, наполовину из серебра, и сейчас у меня целые табуны лошадей, они пасутся за высокими горами. Но однажды, когда я явилась за жеребенком, какой-то джигит выстрелил в меня и отшиб у меня палец. За этого джигита я охотно бы вышла замуж.

Стала рассказывать вторая девушка:

— Жил по соседству с нами один хан, который постоянно сватался за меня и до своей кончины не переставал свататься. Я дала слово отомстить

ему. Вот и летала каждую ночь на его могилу, воскрешала его и причиняла страшные муки. Но однажды какой-то джигит поймал меня за полы моей одежды, вырвал у меня волшебную нагайку. За этого джигита я непременно бы вышла замуж.

— Я б охотно вышла замуж за джигита, который у меня сорвал с пальца перстень,— сказала третья девушка.— Я топила много народу в реке, когда корабль выплывал на середину реки. Но какой-то джигит поймал меня за руку и сорвал с меня волшебный перстень. Встретить бы этого смелого джигита!

Как только проговорила это третья девушка, джигит вышел из укрытия и сказал им, что он тот самый джигит, которого они разыскивают. Девушки стали просить джигита убить их братьев — дяу. Без их разрешения они не смогут выйти за него замуж, а братья не согласятся. Девушки обещали помочь ему в борьбе с дяу.

К вечеру пришли дяу. Их было трое. Джигит вступил с ними в поединок: убил одного, другого, но третьего побороть было трудно. Стали драться джигит и дяу, не уступают друг другу. Наступил вечер — они борются. Устали оба. Вот уже полночь, а они дерутся. Вдруг прибегает одна из сестер дяу и бросает под ноги брата просо, а под ноги джигита золу. От проса дяу поскользнулся и упал. Джигит убил его. Потом он забрал с собой девушек, за горами нашел табуны, погнал их домой. Долго шли они и наконец дошли до ханской дочери. И ее взял с собой джигит.

Так джигит благополучно вернулся к отцу.

Кубугул и Акбелек-Сулу

Как-то батыр Кубугул видел сон: в стране калмыков на реке Хоргосом стоит богатый дом калмыка-батыра. У него есть дочь—красавица Акбелек-сулу, которую отец держит в неволе. И эта красавица обратилась к Кубугулу с просьбой — выволить ее из неволи. Если он это сделает, то она выйдет за него замуж.

На другой же день Кубугул выехал из своего аула и после долгих странствий достиг берега реки, за которой стоял аул отца Акбелек-сулу. Подъехав к реке, он увидел на другом берегу ту самую девицу, которую видел во сне. Возле нее была только одна старуха. Увидела девушка приближавшегося молодого всадника и быстро ушла домой. Кубугул поздоровался со старухой. Потом стал просить ее, чтобы она устроила ему свидание с ее госпожой. Старуха сначала отказывалась, но когда Кубугул перекинул ей мешочек золота, то она сказала, чтоб он вечером ждал их.

Было уже темно, когда Кубугул заметил двух женщин, приближающихся к нему, это были Акбелек-сулу и старуха. Кубугул схватил девицу в свои объятия и нежно прижал ее к груди. Акбелек-сулу сказала, что если он искал ее и желает увезти, то пусть не медлит, так как в доме могут заметить ее отсутствие, и тогда им не сдобровать, так как отец ее считается самым сильным батыром во всем крае. При этом девица указала на лежащий недалеко от них камень и рассказала, что под этим камнем, за железными дверями стоит батырский конь и что взять его может тот, кто сдвинет этот огромный камень и разломает железные двери. Отец ее приходит сюда каждый день, но камень сдвинуть не может. Выслушал Кубугул девицу, подошел к камню, взял его и отбросил на далекое расстояние, затем разломал железные двери и вывел оттуда коня. Кубугул посадил девицу на своего коня, а сам сел на батырского. Простились они со старухой и отправились в путь.

Всю ночь мчались они, перескакивая через реки и овраги. Утром подъехали к громадному озеру и остановились отдохнуть. Кубугул осмотрел все кругом, но никого не было видно, лишь дикие кони и сайгаки резвились на равнине вокруг озера да над озером носились тучи птиц, и их крик нарушал тишину летнего утра.

Кубугул хотел уже расседлать коней, как вдруг задрожала земля, и затем вдали показалось несколько всадников. С тревогою и испугом взглянула

девушка на Кубугу-ла. Несмотря на далекое расстояние, отделяющее их от всадников, Акбелек-сулу узнала, что это едет ее отец со своими слугами. Кубугул успокоил девушку, а сам сел на своего могучего коня и помчался навстречу всадникам.

Девушка не успела еще опомниться от испуга, а Кубугул побил уже всех слуг отца своей невесты, а самого батыра, обезоруженного, привел на свой стан.

Акбелек-сулу бросилась к отцу в ноги, стала просить у него прощения за самовольное бегство и за причиненное ему горе. Она стала просить благословения на вступление в брак с Кубугулом.

Отец поднял дочь свою и сказал, что если нашелся такой сильный и еще молодой джигит, который сумел выкрасть его Акбелек и вывести из-под земли коня, то против этого брака он ничего не имеет, да и не в силах был бы бороться с ним. Кубугул и Акбелек поблагодарили старого батыра и отправили домой.

После этого Кубугул оставил невесту, а сам пошел на озеро, чтобы убить на завтрак лебедя. Подошел он к берегу и увидел лебедицу с малыми лебедятами. Взял Кубугул лук и прицелился, но в этот момент лебедица закричала человеческим голосом:

— Джигит, не стреляй в меня, одинокую, и не дай погибнуть моим малым детям, а спеши скорей к своей невесте и спаси ее от злого духа, который живет в этом озере. Знай, что на случай нужды я тебе буду полезна. Кубугул быстро побежал к стану и увидел, что невеста его уже мертва. Кубугул сейчас же отправился к лебедице и рассказал ей о своем горе. Лебедица на это сказала:

— Теперь злой дух улетел за море. Подводное свое жилище он запер, а ключ поручил хранить большой черной птице, которая летает над облаками над этим озером. И вот, если ты хороший стрелок, то высмотри в вышине эту птицу и застрели ее, а я возьму у нее ключи, отопру дом и найду там пузырек с живой водой, тогда и оживим девушку. Кубугул долго смотрел вверх, наконец увидел в безоблачном небе черную точку.

Натянул он лук и пустил стрелу. Послышался страшный шум — это пораженная стрелой птица неслась вниз с быстротою падающей звезды. Птица упала на середину озера, и вода затопила берега. Лебедица быстро подлетела к птице, взяла ключ, нырнула на дно и свободно вошла в дом злого духа. Отыскав пузырек с живой водой, она всю ее забрала

себе в рот, а вместо взятой воды налила из другого пузырька смертельного зелья и поставила на прежнее место. Затем заперла снова дом, повесила ключи на птицу, а сама тотчас же полетела к Акбелек-сулу.

Увидел это Кубугул и быстро побежал к стану, но не успел он добежать до него, как увидел, что невеста сама идет к нему.

Через несколько дней Кубугул с невестою благополучно прибыл в свой аул и справил большой той.